

Санкт-Петербургский государственный университет

НОВИКОВА Елена Дмитриевна

Выпускная квалификационная работа

Способы выражения предиката

в русских и чешских пословицах паремиологического минимума

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5831. «Славянские языки и литературы»

Научный руководитель:

профессор кафедры

славянской филологии,

д.ф.н., проф. Котова Марина Юрьевна

Рецензент: доцент,

Федеральное государственное

бюджетное образовательное

учреждение высшего образования

«Российский государственный

педагогический университет

им. А. И. Герцена»,

кандидат филологических наук,

Ершова Надежда Борисовна

Санкт-Петербург

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ПОСЛОВИЦ	
1.1. Определение понятия предиката в русском языке	6
1.2. Формальное выражение предиката в русских пословицах	7
1.3. Структурные и классификационные особенности чешского предложения ...	21
1.4. Предикат в чешском предложении-пословице	30
1.5. Семантико-синтаксическая классификация предикатов в русском и чешском языках	34
Выводы к главе 1.....	44
ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОДХОДА НА ПОСЛОВИЧНОМ МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	
2.1. Истории возникновения и дальнейшего развития паремиологического минимума Г.Л. Пермякова	46
2.2. Анализ русского паремиологического минимума	47
Выводы к главе 2	53
ГЛАВА 3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЧЕШСКИХ ПРЕДИКАТОВ НА БАЗЕ ПОСЛОВИЦ	
3.1. Чешские паремиографические традиции	55
3.2. Анализ чешского паремиологического минимума	59
Выводы к главе 3	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	69
СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ	73
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ ПАРЕМИЙ	74
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	75
Приложение №1. Список анализируемых паремий русского языка	76
Приложение №2. Список анализируемых паремий чешского языка	89

ВВЕДЕНИЕ

Пословицы являются неотъемлемой частью культуры любого народа, они вбирают в себя и отражают разные этапы исторического развития и опыт целых поколений. С пословицами мы сталкиваемся ежедневно, часто сами прибегаем к народной мудрости, чтобы кратко и емко описать ситуацию.

Паремиологический минимум — это собрание паремий, которые являются общеизвестными и активно употребляются носителями языка. Интересна идея об интернациональности паремиологического минимума Г.Л. Пермякова, которая позже нашла свое подтверждение.

Актуальность работы заключается в том, что сопоставительный анализ славянских языков — это интересное и развивающееся направление славистики, которое показывает не только, насколько генетически родственные языки схожи, но и то, насколько они уникальны. Интересны любые полученные данные, потому что схожесть легко объясняется историческими и культурными предпосылками, а любые различия задают вектор дальнейшего более глубокого изучения языка.

Объектом исследования данной работы являются русские и чешские пословицы паремиологического минимума.

Предметом — способ выражения предиката в русском и чешском языках.

Цель — продемонстрировать способы и средства выражения предиката на материале русских и чешских пословиц паремиологического минимума.

Гипотеза исследования заключается в том, что проведение сопоставительного семантико-синтаксического анализа предикатов в составе пословиц паремиологического минимума русского и чешского языков позволяет раскрыть специфичность способов их выражения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Описать теоретическую базу исследования (синтаксические особенности предложений-пословиц, формальные способы выражения предиката);
2. Изучить семантико-синтаксическую классификацию предикатов в обоих языках;
3. Определить методологию сопоставительного анализа способов выражения предиката на базе паремиологического минимума;
4. Отобрать подходящие пословицы и провести непосредственный анализ;
5. Сравнить полученные данные по обоим языкам;
6. Оформить выводы.

Поставленные задачи определили **структуру работы**. Так, в первой главе рассматриваются теоретические положения русского и чешского синтаксиса пословиц, а также семантико-синтаксическая классификация предикатов, которая необходима для выработки стратегии сопоставительного анализа.

Вторая глава посвящена истории развития теории паремиологического минимума, а также проведению анализа отобранного русского пословичного материал.

В третьей главе освещаются чешские паремиографические традиции, и проводится анализ паремиологического минимума.

Сравнение полученных данных представлено в заключении.

В работе используется **прием** частичной выборки пословичного материала из нескольких источников. В качестве исследовательских **методов** мы прибегли к описательному и сопоставительному методу.

Материалом исследования послужили русские и чешские пословицы паремиологического минимума, отобранные из монографии Г.Л. Пермякова «Основы структурной паремиологии» и «Русско-славянского словаря с английскими соответствиями» М.Ю. Котовой, а также из диссертации Ф. Шиндлера («Das Sprichwort im heutigen Tschechischen», 1993) и учебного пособия М.Ю. Котовой и О.С. Сергиенко («Тетради паремиографа», 2013), содержащего чешские пословичные параллели.

Научная новизна заключается в том, что по нашим данным, в исследовательской практике впервые предпринимается попытка сопоставить русские и чешские пословицы паремиологического минимума на предмет способа выражения предиката, в том числе по семантико-синтаксической классификации.

Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что полученные результаты исследования представляют важность для дальнейшей разработки теоретических проблем, связанных со спецификой изучения славянской паремиологии.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью дальнейшего использования полученных данных при написании различных работ по сопоставительной паремиологии или синтаксису славянских пословиц.

Структура данной работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений.

ГЛАВА 1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ПОСЛОВИЦ

1.1. Определение понятия предиката в русском языке

Предикат (*лат.* Praedicatum, т. е. «заявленное, упомянутое, сказанное») — сказуемое суждения, то, что высказывается (утверждается или отрицается) о субъекте. Предикат находится с субъектом в предикативном отношении и показывает наличие (отсутствие) у предмета некоторого признака [ЛЭС].

К понятию предиката предъявляются определенные семантические требования, а именно, «предикат — не всякая информация о субъекте, но указание на признак субъекта, его состояние и отношение к другим предметам» [Харламов 2012: 77].

Субъектом (*лат.* Subjectum, т. е. «подлежащее») высказывания называется то, о чём делается утверждение. В некоторых языках, в том числе и русском, термин **предикат** был заменён словом-калькой «сказуемое», а **субъект** на «подлежащее» [ЛЭС].

Стоит отметить, что со «сказуемым» ассоциируется формальный аспект члена предложения, а с «предикатом» — содержательный [Пащенко 2006: 70].

Грамматическая основа предложения — это главные члены предложения, которые могут быть выражены подлежащим и сказуемым. Иными словами, подлежащее — это носитель того признака (действия, состояния, свойства), который назван сказуемым, а сказуемое — обозначает действие, совершаемое самим предметом или над предметом, а также признак (состояние, свойство), характеризующее подлежащее.

В своем учебном пособии по современному синтаксису русского языка Н.В. Данилевская пишет, что сказуемое может быть представлено не только глаголом, но и другими частями речи (существительным,

прилагательным, числительным и т. д.) [Данилевская 2020: 61]. Также З.К. Тарланов отмечает, что предикаты в русском языке не представлены, разве что предложениями и союзами [Тарланов 1996: 147].

Согласно Е.А. Ренковской, предложение-пословица имеет свои синтаксические особенности, которые отличают его не только от обычного предложения русского языка, но и от других устойчивых кратких текстов [Ренковская 2011: 609]. Эти синтаксические особенности, в частности, касающиеся способа выражения и расположения предиката, представляют интерес при написании данной работы.

1.2. Формальное выражение предиката в русских пословицах

«Под **пословицей** понимается устойчивый словесный комплекс, имеющий синтаксическую структуру замкнутого предложения, обладающий афористичностью, прямым или переносным планом выражения, обозначающий ситуацию, содержащий нравоучительную сентенцию или философское обобщение и вошедший в язык как из фольклора, так и из других источников» [Котова 2010: 3].

В своём учебном пособии по сопоставительной славянской паремиологии М.Ю. Котова, обращает внимание на глубокое исследование в трудах З.К. Тарланова синтаксиса русских пословиц [Котова 2010: 72]. Именно на его труды мы в большей степени будем полагаться при написании теоретической части данной работы, касающейся русского пословичного фонда.

По словам Тарланова, традиция использования различных типов предложения в пословицах довольно стабильно проявляет себя на протяжении последних четырех столетий. Если активность типов предложений пословиц представить в процентах, то:

- 30,7% — двусоставные предложения;

- 15% — односоставные предложения;
- 3% — неполные предложения;
- 17,7% — сложносочиненные предложения;
- 17,5% — сложноподчиненные предложения;
- 13% — сложные бессоюзные предложения;
- 3,4% — сложные предложения усложненного типа [Тарланов 1970: 10].

Стоит отметить, что материал для исследования был извлечен Тарлановым из сборников пословиц, изданных П. Симони и В. Далем, рукописных сборников XVII-XX вв., составленных и изданных АН СССР, а также некоторых других сборников, советского периода [Тарланов 1970: 3].

В работах Тарланова можно найти подтверждение тому, что диапазон форм, используемых в роли сказуемого, очень широк. Однако разница между отдельными формами по степени употребительности в предикативной функции довольно велика. Совсем немногочисленны случаи выражения предикативности незнаменательными словами (междометиями, частицами и пр.) и сказуемыми, имеющими форму предложения [Тарланов 1970: 14]. И наоборот, весьма распространено сказуемое, выраженное сравнительным оборотом. Тарланов считает, что причина заключается в том, что само по себе сравнение уже содержит элемент утверждения или отрицания, оценки или характеристики. Выступая предикативно, сравнительный оборот определяет подлежащее. Само это определение, как правило, представляет сопоставление двух предметных понятий, выраженных подлежащим и опорным словом сравнительного оборота. Опорное слово может быть выражено [Тарланов 1996: 132]:

- Существительным в форме ед. или мн.ч (*Умная жена, как нищему сума*)¹;
- Субстантивированным прилагательным (*Холостой, что бешеный*);
- Субстантивированным причастием (*Сосватанная, что обвенчанная*);
- Субстантивно употребленным инфинитивом (*Кстати промолчать, что большое слово сказать*);
- Деепричастием, употребленным субстантивно (*Водюю плывучи, что со вдовою живучи*).

Предикативные сравнительные обороты, в большинстве случаев, находятся в постпозиции к подлежащему. Изменение позиции на препозитивную связано с дополнительной смысловой нагрузкой (*С гуся вода, небывые слова*) [Тарланов 1996: 132].

Также совершенно обычно сказуемое, выраженное кратким прилагательными или в сравнительной степени. Полные формы, как правило, выражают атрибутивную функцию [Тарланов 1970: 14], [Тарланов 1996: 132].

Большая часть пословичных формул представлена двусоставными предложениями тождества, среди которых 33% четырехчленные и 25% трехчленные. Основным формальным признаком предложений тождества, заключается в том, что в них сказуемое стоит в том же падеже, что и подлежащее. Параллелизм падежных форм — важное условие для таких предложений, но не единственное. В предложениях тождества подлежащее характеризуется путем подведения его под то же понятие, которое выражается сказуемым, т. е. семантически подлежащее отождествляется со сказуемым [Тарланов 1996: 139]. В четырехчленных проявляется тенденция к симметрии составов подлежащего и сказуемого (*Малая собака и под старость щеня*). Трехчленные конструкции всегда

¹ Здесь и далее в этой главе приводятся примеры из трудов З.К. Тарланова и других исследователей.

асимметричны, так как их единственный второстепенный член предложения относится либо к подлежащему, либо к сказуемому (*Своя рука владыка*). Для русского языка характерно такое построение предложения, при котором второстепенный член предложения синтаксически зависит от сказуемого (*Угрозы глупым страху*) [Тарланов 1970: 14].

Встречаются и двучленные предложения с минимальным объемом (*Годы калечат*), а также пяти-, шести- и даже восьмичленные (*В чужую жёну черт ложку меду кладет*) [Тарланов 1996: 145].

В отрицательных предложениях тождества нередко может быть продолжение формами, указывающими на то, почему подлежащее семантически не отождествляется со сказуемым, или выражающими какие-либо другие отношения (*Слово не стрела, а сердцу льнет*) [Тарланов 1970: 15].

Главные члены в предложениях тождества могут быть представлены инфинитивом и, как упоминалось ранее, редко субстантивно употребленными полными формами прилагательного в мужском роде (*Косой не кривой*) [Тарланов 1970:15].

Относительно распространенным в пословицах можно считать сказуемое, выраженное формами косвенных падежей имен существительных:

- **Р.п. с предлогами без** (*У семи няней дитя без глаза*), **до** (*Девичья красота до замужества*), **от** (*Вся неправда от лукавого*), **мимо** (*Старых людей пословицы не мимо дела*), сюда же стоит отнести отрицательную предложную форму родительного падежа с предлогом **без**, которая фактически служит для выражения утверждения (*Человек не без греха*);

- **Д.п. с предлогами к** (*Не всяка болезнь к смерти*), **по** (*Смирная овца волку по зубам*);
- **В.п. с предлогами в** (*Голодному Федоту и щц в охоту*), **за** (*Волку зима за обычай*), **на** (*Чужой человек не на утеху, на просмех*), **по** (*Пьяному море по колению*);
- **Т.п. с предлогами с** (*Старина с мозогом*), **под** (*Земля русская вся под богом*);
- **П.п. с предлогами о** (*Всякая вещь о двух концах*), **на** (*Ложь на тараканьих ножках*) [Тарланов 1996: 142-143].

Частотность предикативного употребления той или иной предложно-падежной формы находится в прямой зависимости от того, сколько вообще предлогов используется с данным падежом. Отсюда становится понятна продуктивность в роли предиката форм Р.п. и В.п. Стоит отметить, что такая форма представления предиката нетипична для беспредложных форм. Случаи типа *У конного солдата ноги лучком* исключительны [Тарланов 1970: 15], [Тарланов 1996: 142].

Наиболее распространено простое сказуемое, выраженное спрягаемыми глагольными формами несовершенного вида, которые обычно выносятся на конец предложения [Тарланов 1970: 15]. Среди форм глаголов 3-го лица множественного числа настоящего времени постпозиция встречается в 70% случаев (*Волка ноги кормят*) [Ренковская 2011: 614].

Тарлановым также рассмотрен вопрос о составе и функциях однородных членов предложения в пословицах. Однородными членами называются те, которые, выступая в тождественных синтаксических функциях, одинаково относятся к какому-либо другому члену и форме в строе предложения. Пословица строится так, чтобы в ней не оказалось двух функционально абсолютно тождественных компонентов, потому что

она стремится к контрастности, чем объясняется редкое обращение пословицы к предложениям с однородными членами. Однородные подлежащие, которые обычно состоят из двух компонентов, соединяются между собой сочинительными союзами *да*, *а*, *и*, а также интонацией. Однородные сказуемые аналогично соединяются при помощи сочинительных союзов *да*, *а*, *и*, выражая разные целевые, временные и другие отношения [Тарланов 1970: 16].

Однородные предикаты относятся к одному и тому же субъекту по смыслу и грамматически, но синтаксически они почти всегда антонимичны. Соподчиняющиеся компоненты соединяются союзами *а* (в 40% случаев), *да* (в соединительном значении в 27%), *и* (всего 5% случаев), а также *бессоюзной связью* (в 28% случаев):

1. Союз *а* преимущественно функционирует в предложениях с разного рода противопоставлениями:
 - ограничительное (*Кнут не мука, а наука*);
 - уступительное (*Велик свет, а тесен*);
 - противопоставление, (почти) лишённое дополнительных оттенков (*На смелого собака лает, а трусливого рвет*);
 - противопоставление по отношениям, близким к причинно-следственным (*Люди лгут, а нам веры не имут*);
 - редки случаи, когда однородные сказуемые относятся друг к другу как действие к его цели (*Свекровь кошку бьет, а невестке навеки даёт*) или когда одно из однородных сказуемых указывает на время совершения действия другого (*Лях и умирает, а ногами дергает*).
2. Союз *да* соединяет однородные сказуемые, представляющие:
 - чаще всего отношения ограничительного противопоставления (*Бег не честен, да здоров*);

- нередко отношение уступительного противопоставления (*И жидка слеза, да едка*);
- редко отношения возмездительного противопоставления (*Правда груба, да богу мила*);
- условно-следственные отношения (*Один разумный согрешит, да много глупых соблазнит*);
- присоединительное отношение с более или менее отчетливо выраженным оттенком противопоставления (*Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается*).

3. Союз *и* можно встретить в пословицах, где однородные сказуемые:

- перечисляются как равноценные, а *и* обычно указывает на законченность ряда (*Язык хлебом кормит и дело портит*);
- обозначают условие — следствие (*Судьба придет – и руки свяжет*);
- обозначают причину — следствие (*Помнит свекровь свою молодость и снохе не верит*);
- выражают присоединения (*Язык поит и кормит, и спину порет*).

Синтаксис пословиц редко прибегает к однородным второстепенным членам вследствие их второстепенной роли в создании структурно-композиционной перспективы целого. Семантически наиболее богаты предложения-пословицы с однородными предикатами [Тарланов 2018: 136].

Расположение подлежащего и сказуемого в предложении не является фиксированным, но имеет свои закономерности, так подлежащее обычно выступает в препозиции, а сказуемое в постпозиции. Как отмечает Тарланов, порядок расположения главных членов находится под непосредственным влиянием способа их выражения и типа предложения,

объема синтаксических конструкций и коммуникативной значимости компонентов [Тарланов 1970: 16].

Односоставные личные предложения часто встречаются в языке пословиц, если главные члены выражены личными глагольными формами и одновременно с этим обозначают действия — состояния, семантически сочетаемые с каждым из трех лиц. Главный член обобщенно-личного предложения может выражаться только:

1. Формой 2-го лица ед. ч. будущего времени глагола совершенного вида (*Мертвым соколом утки не затравишь*);
2. Формой 3-го лица мн. ч. настоящего времени глагола несовершенного вида (*Дарованному коню в зубы не смотрят*);
3. Формой 2-го лица ед.ч. в повелительном наклонении (*Безумному в обиду не давайся*);

Важно отметить, что определенно-личные и неопределенно-личные предложения не знают градации по виду глагола. Формы 1-го лица ед. ч. настоящего и будущего времени (*Миром и горы сдвинем*), а также прошедшего, практически не встречаются в роли главного члена обобщенно-личного предложения. Чаще всего здесь мы встречаемся с трехчленными предложениями, где с точки зрения лексической модели, для предложений такого типа распространены схемы «существительное + существительное + глагол» (*Правда глаза колет*) или «прилагательное + существительное + глагол» (*Выношенная шуба не греет*). При выражении сказуемого в повелительном наклонении, оно может занимать как препозицию, так и постпозицию, выраженные по схеме «глагол + существительное + существительное» (*Дразни собаку на цепи!*) [Тарланов 1970: 17].

Безличные предложения, в отличие от односоставных личных предложений, в языке пословиц встречаются исключительно мало, так как

безличные предложения, представляя действие-состояние вне их отношения к лицу, имеют меньшие выразительные способности. К категории состояния Тарлановым относятся только те краткие прилагательные среднего рода, то есть оканчивающиеся на -о, которые не имеют относительных членных форм прилагательных. Безличные предложения немногочленны и компактны. Главный член, выраженный наречием, частицей предикатива **нет**, частицей **ни** в связке с падежной формой существительного, стоит обычно на интерпозиции и постпозиции, в то время как начальную позицию занимает форма косвенного падежа, чаще в объектном значении (*Дураков теперь нет*). Главный член, выраженный безличной формой глагола и словами категории состояния, напротив, стремятся встать на начальную позицию. При выражении главного члена предложения другими частями речи (безличные формы глагола и краткое прилагательное) сложно выделить конкретную тенденцию в расположении независимого члена предложения [Тарланов 1970: 19].

Инфинитивные предложения — это особый вид односоставных предложений, в которых единственный главный член выражается независимым предикативным инфинитивом, действие которого всегда соотносится с (оформленным или подразумеваемым) субъектом в Д.п. В пословицах представлены не все типы таких предложений, а только те, которые способны реализовать значение наиболее обобщенно:

1. Наиболее распространенный тип предложений, выражающих модальное значение невозможности инфинитивного действия (*Насилу милу не быть*);
2. Предложения, выражающие модальное значение возможности инфинитивного действия (*Знать золото на грязи*);

3. Предложения, выражающие модальное значение необходимости (*Живучи в соседях быть в беседах*);
4. Тип предложений, выражающих опасение по поводу совершения действия, названного инфинитивом, наименее распространен (*Не быть бы плеткой при большом кнуте*) [Тарланов 1970: 19].

Ренковская добавляет, что предикаты, выраженные инфинитивом, почти всегда употребляются с частицей *не* (*Грех не уложить в мех*). Исключением являются пословицы с глаголом *знать* (*Знать волка и в овечьей шкуре*). Материально выраженное подлежащее обычно отсутствует, пословицы такие редки и представляют собой описание фактов действительности [Ренковская 2011: 612].

Согласно Тарланову, структурная недостаточность **неполного предложения** — синтаксический признак всякого неполного предложения, поэтому нет смысла разделять пословицы на собственно неполные и эллиптические [Тарланов 1970: 20]. Однако в научной и учебной литературе о пословицах эллипсис квалифицируется едва ли не как самая заметная особенность их синтаксиса [Кудаева 2017: 553].

Такой, обобщающий разные синтаксически неполные предложения, подход Тарланова, можно объяснить тем, что основное различие между эллиптическим предложением и предложением неполным заключается в том, что для понимания отсутствующего сказуемого в предложении, построенном по эллиптической схеме, неважен контекст и ситуация. Считается, что в случае с неполным предложением сложно обойтись без ситуативной информации [Валгина 2003: 194]. Учитывая жанровые особенности и предполагаемую широкую известность пословицы для участников диалога, контекст, а следовательно и незамещенный предикат будет одинаково понятен при любом типе «неполного» предложения.

Все же именно неполные предложения представляют особый интерес, поэтому они были предметом изучения многих лингвистов. Так, данная тема получила широкое освещение в работах В.В. Виноградова, В.В. Бабайцевой, Н.К. Греча, Н.С. Валгиной, В.А. Белошапковой, Г.А. Золотовой, П.А. Леканта и др. [Кудаева 2017: 3]. Важно отметить, что до сих пор открыт вопрос с единой классификацией предложений такой синтаксической структуры, собственно, как и вопрос о принадлежности эллиптических предложений к неполным.

Совершенно очевидно, что среди пословиц не встречаются все типы неполных предложений. Так, не следует ожидать проявления активности нечленимых предложений, выраженных одним словом.

По нашему мнению, неполные предложения отличаются от полных незамещенными главными или второстепенными членами предложения, которые легко восстанавливаются в контексте, а эллиптические отличаются от неполных тем, что в них незамещенным обычно является сказуемое, смысл которого раскрывается и без речевой ситуации.

Мы считаем, что для различения эллиптических предложений от неполных (с незамещенным сказуемым) в языке пословиц нужно учитывать не только формальную неполноту, но и семантическую. Например, в пословице *В чужом пиру похмелье* никакой глагол не нужен, семантически предложение закончено.

Пословицы, представленные в виде эллиптических предложений, имеют свои синтаксические особенности, поэтому могут быть выделены в отдельный тип. Так, они часто строятся симметрично, и за счет одинаковых падежных форм добиваются ритмичности (*Попытка — не пытка*). Тарланов однако считает, что эллиптических построений в пословицах не так много, как принято считать, особенно в пословицах, оформленных в виде простого предложения (*От горя не в воду*) [Тарланов

1970: 20]. Среди эллиптических конструкций в пословицах, наиболее распространены те, что содержат сочетание И.п. с Д.п. предложным и беспредложным (*Всякому овощу свое время*), предложный Р.п. и В.п. (*С паршивой овцы хоть шерсти клок; Для милого дружка и (хоть) сережку из ушка*) [Тарланов 2018: 260].

Стоит отметить, что среди языка пословиц неполные предложения нередко представлены по схеме «Именительный падеж + различные падежные формы имени», как с предлогом, так и без, с пропущенным глаголом, нередко такое предложение можно восстановить глаголом *есть*, *бывает*, *достается* (*Дурные примеры (бывают) заразительны; У палки (есть) два конца; Большому кораблю — (достается) большое плаванье; Собаке — (достается) собачья смерть*).

Следовательно, можно говорить о том, что среди языка пословиц активно себя проявляют неполные предложения различных типов. Эллиптические, как и односоставные, предложения можно выделить в отдельный вид неполных предложений. В эллиптическом предложении наблюдается незамещенное сказуемое, восстановление которого затруднительно, но предложение закончено и без него. В неполных и эллиптических предложениях можно выделить наиболее регулярные схемы построения, которые помогает их классифицировать.

Предикативная единица — это синтаксическая структура, заключающая в себе предикат [Розенталь, Теленкова 1976]. Компоненты сложного предложения (т. е. предикативные единицы) по своим структурно-грамматическим признакам являются простыми предложениями. Однако в функциональном плане они не обладают коммуникативно-смысловой законченностью, поэтому только целое сложное считается предложением, а предикативные единицы представляют его «части» [Белошапкина 1989].

Сложносочиненные предложения соединяются посредством сочинительных союзов (*а, и, да, зато* и др.), которые употребляются в слитном предложении. Наиболее распространены среди пословиц сложносочиненные предложения с союзом *а*. Данный союз приближается к универсальному средству осуществления соединительной связи и встречается в качестве компонента сложных целых, выражающих отношения противопоставления, сопоставления и др. (*Плуг кормит, а лук портит*). На втором месте по распространенности можно обозначить сочинительный союз *да* (*Корень учения горек, да плод сладок*). Менее 1% приходится на союз *и*, остальные (*ин, ино, ан, либо-либо, но, ни-ни, зато*) встречаются крайне редко [Тарланов 1970: 21].

При описании **сложноподчиненных предложений** выделяется союз **чтобы** и сочетания *на то, для того, с тем* и под., а также сочетания *как ни, каков ни* и элемент *так*. Тарланов отмечает определенные тенденции в расположении частей союзного сложноподчиненного предложения в языке пословиц. Так, например, в препозиции встречаются уступительные союзы *когда, если* и временной *коли*, в то время как придаточные причинные, изъяснительные и условные союзы *что, коли, кабы*, а также временной *когда* и сравнительный *чем* — в постпозиции. Придаточные предложения с относительными словами в большинстве случаев представлены указательно-определятельными словами (*кто, что, какой, чей, который*) (*Чей берег, того и рыба*) [Тарланов 1970: 24].

Бессоюзные сложные предложения широко распространены в языке пословиц, что объясняется их спецификой выражения мысли, которая хорошо согласуется с жанровыми особенностями пословиц. Предикативные члены в пословицах, организованных по такой схеме, выражаются формами разных времен изъявительного наклонения (преимущественно б. вр. сов. вида), а также формами других наклонений,

где наиболее часто встречается комбинация повелительного наклонения (в том числе с отрицанием) и будущего простого изъявительного наклонения (*Не рой другому яму, сам свалишься*). Для пословиц такого типа, характерна семантика «предсказания» [Тарланов 1970: 30], [Попова 2011: 212].

Сложные (многочленные) предложения усложненного типа встречаются среди пословиц довольно редко. Тарланов выделяет следующие формулы:

1. Четырехчленные предложения с параллелизмом;
2. Трехчленные предложения, в которых значение первого предикативного единства поясняется содержанием двух последующих [Тарланов 1970: 32].

Важно отметить и то, каким образом в русском языке выражается субъект. Согласно данным, представленным в статье Тарасовой, выражение подлежащего в русских пословицах также чрезвычайно многообразно. Например, в пословицах с компонентом «пища», мы видим следующую ситуацию:

1. В роли подлежащих абсолютно преобладают имена существительные (*Рыба тухнет с головы*).
2. Среди других частей речи относительно активны в субъектной позиции субстантивно употребленные инфинитивы (*Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть*).
3. Подлежащее может быть выражено прилагательным: *Сытый голодному не разумеет*.
4. Местоимениями (*Мы не дорожим колодезной водой, пока колодец не высох*).
5. Числительными или сочетанием числительных с существительным (*Одна паршивая овца всё стадо портит*) [Тарасова 2011].

Если удельный вес разных частей речи в роли подлежащего выразить в процентах, то из 2000 пословичных формул случаи выражения подлежащего существительным составляют 80%, инфинитивом — 8%, прилагательными — 6,5%, местоимениями — 3%, всеми прочими формами — 2,5% [Тарланов 1970: 14].

Среди самых распространенных пословиц современного русского языка, приведенных в книге Г.Л. Пермякова, около 60% пословиц представлены простыми предложениями [Ренковская 2011: 610]. Можно предположить, что среди пословиц чешского паремиологического минимума большинство будет также представлено в виде простого предложения.

1.3. Структурные и классификационные особенности чешского предложения

Существует несколько возможных классификаций предложений, которые не являются идентичными для русского и чешского языков. В данном разделе первой главы, мы проведем параллели между этими родственными языками. Статистические данные взяты из работы Симоны Гавелковой под руководством Янины Крейчи на тему «*Syntaktická specifiká ruských a českých přísloví*», которую они писали по пословицам, представленным в монографии Ярмилы Бахманновой и Валентина Суксова: «*Jak se to řekne jinde: česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky*».

1. Предложения делятся на **kladné** (утвердительные) и **záporné** (отрицательные), которые в свою очередь можно разделить на **úplně záporné** (общеотрицательные) и **částečně záporné** (частично отрицательные) [Валгина 2002: 366]. Среди паремий чешского языка преобладают утвердительные предложения (~86%) [Havelková 2020:

- 61]. Остальные 14% представлены с отрицательной формой глагола (*Vlastní břímě netíží*).
2. По цели высказывания предложения делятся на **věty oznamovací** (повествовательные), **tázací** (вопросительные), **rozkazovací** (побудительные). Из побудительных предложений можно выделить самостоятельную категорию **vět přacíh** (побудительно-пожелательных) [Валгина 2000]. Примерно в 94% случаев пословицы представлены в виде предложений повествовательных (*Láska hory přenáší*), в 5% предложениями побудительными (*Když dávají, ber*), также была обнаружено одна побудительно-пожелательная пословица (*Zbav mě, Bože, přátel, s nepřáteli si poradím sám*) [Havelková 2020: 61].
 3. По интонации предложения делятся на **zvolací** (восклицательные) **nezvolací** (невосклицательные) [Валгина 2002: 372]. Почти все пословицы представлены невосклицательными предложениями, кроме единичного случая (*Zbav mě, Bože, přátel, s nepřáteli si poradím sám*) [Havelková 2020: 62].
 4. По наличию или отсутствию второстепенных членов, предложения делятся на **holé** (нераспространенные), состоящие только из подлежащего (**podmět**) и сказуемого (**přísudek**), а также **rozvité** (распространенные) [Валгина 2000]. В 88% пословиц представлены в виде распространенных предложений (*Darovanému koni na zuby nekoukej*) и 12% нераспространенных (*Kdo bije, bývá bit*) [Havelková 2020: 62].
 5. По количеству главных членов предложения, можно выделить **věty jednočlenné** (односоставные) и **dvojčlenné** (двосоставные). Существует также несколько типов односоставных предложений – **slovesné** (глагольные, в которых главный член предложения выражен

сказуемым) и **jmenné** (именные). В свою очередь, русском языке они делятся на: определенно-личные; неопределенно-личные; обобщенно-личные; безличные; инфинитивные [Валгина 2000]. Для чешского языка характерная иная классификация односоставных предложений: глагольные; междометные; именные. В зависимости от части речи, которой выражен главный член, согласно классификации В. Шмилауера выделяются следующие типы односоставных предложений: неглагольные (именные; междометные; вокативные; инфинитивные), а также глагольные и глагольно-именные [Bakulina 2014: 15-16].

6. По полноте предложения могут быть **úplné** (полные), **neúplné** (неполные), **eliptické** (эллиптические) [Валгина 2000]. Наиболее частотны (79%) пословицы полные (*Dobré ploty dělají dobré přátele*), неполные предложения представлены в 14% случаев (*Sejde z očí, sejde z mysli*), эллиптические в оставшихся 7% (*Pokud měšce, potud přátele*) [Havelková 2020: 64]. Важно упомянуть, что Гавелкова при анализе считала, классифицируемые в русском языке сложными предложения, как два простых. Зимек считает, что к эллиптическим предложениям не относятся, содержащие нулевую связку (*nulovou sponu*) [Zimek 1963: 34]. С ним согласна Зденька Выходилова, которая также отмечает, что основное различие эллипсиса и нулевой связки заключается в том, что эллипсис – это ситуативный пропуск конститутивного члена предложения [Vychodilová 1995: 39-40]. Однако, как отмечается другими чешскими исследователями, сказуемое, опущенное в пословицах по эллиптической модели, не воспринимается как ситуативно пропущенное (*Já o voze, ty o koze; Přes svízele ke slávě*) [Grepl 1995: 571]. Стоит отметить, что в чешском синтаксисе также пока не решен вопрос

классифицирования неполных и эллиптических предложений в языке пословиц. Мы склоняемся к мысли, что чешские пословицы типа *Pro dobrotu na žebrotu, Z bláta do louže* и *S křížem po funuse* необходимо классифицировать как эллиптические, т. к. они обладают отличительными признаками таких предложений-пословиц, обозначенных Тарлановым, а именно — параллелизм падежным форм (*Pro dobrotu na žebrotu; Z bláta do louže*) между двумя логическими частями, а также сочетание Т.п. с В.п. (*S křížem po funuse*), которое аналогично проявляется и в русском пословичном фонде [Тарланов 2018: 258]. Пословицы типа *Ráno (je) moudřejší večera* можно отнести к неполным.

7. По структуре можно выделить **věty jednoduché** (простые) и **souvětí** (сложные). Чешский синтаксис определяет **souvětí** как предложение, сложенное из двух простых, которые делятся на предложение **hlavní** (главное) и **vedlejší** (придаточное). В русском синтаксисе части сложного предложения разделяются на равноправные и зависимые предикативные части. Из двух и более предикативных частей в чешском языке получаются **souvětí souřadná** (сложносочиненные), из одной главной предикативной и зависимой части получаются **souvětí podřadná** (сложноподчиненные). Несмотря на то, что предикативные части имеют характер простых предложений, они не могут без потери смысла выступать самостоятельно. В отличие от чешского синтаксиса, где главные предложения в сложных могут выступать в качестве простых предложений [Čermák 1997: 222].
8. По типу связи можно выделить **souvětí se spojkou** (союзные) и **bezespoječná** (бессоюзные). Н.Б. Ершова и М.Ю. Котова отмечают, что в бессоюзных пословичных конструкциях регулярно реализуется противопоставление на основе антонимии, антитезы, семантической

оппозиции и отрицания [Ершова, Котова 2017: 77]. Гавелкова пишет, что при бессоюзной связи наиболее распространены (62%) соединительные отношения (*Společné utrpení, společné potěšení*) [Havelková, 2020: 65]. *Souvětí se spojkou* делятся на **souřadná** (сложносочиненные) и **podřadná** (сложноподчиненные). Среди языка пословиц в 59% случаев встречаются СПП, в 11% ССП и в 30% предложения в бессоюзной связи [Havelková 2020: 65]. В зависимости от содержания, различают несколько типов отношений (**poměr**) в сложносочиненных предложениях:

- **Poměr slučovací** (соединительные отношения). В русском языке соединительную функцию выполняют союзы *и, да, также, тоже, ни...ни* [Валгина 2000], а в чешском *a, i, ani, aniž* [Karlík 1995: 557].
- **Poměr odporovací** (противительные отношения). В русском языке противительные функцию выполняют союзы *а, но, да* (в значении *но*), *зато, однако, же, а то, не то, а не то* [Валгина 2000], а в чешском *ale, no, však, avšak* [Karlík 1995: 561]. Опираясь на исследования Ершовой и Котовой, можно сделать вывод, что в чешском языке противительные союз *nebo* среди пословиц не является частотным [Ершова, Котова 2017: 78].
- **Poměr stupňovací** (градационные отношения). В русском языке для выражения градационных отношений используются союзы *не только...но и, не то чтобы...но, хотя и...но, не столько...сколько* [Валгина 2000], а в чешском в таких предложениях типично использование союз *ba*, вместе с частицами *i, ani, ještě, dokonce, přímo, nadto*, а также сочетание союзов *nejen — ale, nejen — nýbrž, nejenže — nýbrž* [Karlík 1995: 565].
- **Poměr vylučovací** (разделительные отношения). В русском языке встречаются союзы *или, либо, то...то, не то...не то, то ли...то ли,*

ли...ли, ли...или [Валгина 2000], а в чешском чаще всего союз *nebo* [Čermák 1997: 223].

- **Poměr dodatkový** (присоединительные отношения). В русском языке в роли присоединительных союзов выступают *и, а, да, же, но*, которые могут встречаться в комбинации с *еще, притом, поэтому*, или через составные союзы *но и, да и* [Валгина 2000], а в чешском синтаксисе союзы *totiž, však, vždyť, přece* [Karlík 1995: 568].

Так, Ершова и Котова выделяют союз *ale*, как наиболее продуктивный при выражении противительной уступительности, сопоставления, ограничения, возмещения и сравнения (*Neštěstí nechodí po horách, ale po lidech*) [Ершова, Котова 2017: 77]. А также союз *a*, который часто употребляется для выражения противительного сопоставления, уступительности, ограничения и возмещения (*My o koze a on o voze*) [Ершова, Котова 2017: 78].

9. **Souvětí podřadná** (сложноподчиненные предложения) в русском синтаксисе делятся на части [Валгина 2000], в чешском же на главные и придаточные предложения (*hlavní a vedlejší věty*). Чешские СПП можно классифицировать следующим образом:

- 1) **Souvětí podřadná s přívlastkovou vedlejší větou** (СПП с определительной придаточной частью). Как отмечает Гавелкова, такой тип отношений (44%) наиболее распространен среди языка пословиц (*Kdo komu miloučký, i nemyt hezoučký*) [Havelková 2020: 65];

- 2) **Vedlejší věty obsahové** (СПП с изъяснительной придаточной частью) составляют 12% среди пословиц (*Co kdo miluje, za poklad tu stojí*) [Havelkov, 2020: 65];

- 3) **Podřadná souvětí příslovečná** (СПП обстоятельственные) также популярны (44%) (*Kde srdce leží, tam oko běží*) [Havelková 2020: 65]. В свою очередь они делятся на:

- **Vedlejší věty časové** (СПП с придаточной частью времени) (*Kde dva psi jednu kost hryzou, brzo se perou*);
 - **Vedlejší věty místní** (СПП с придаточной частью места) (*Kde se dobře vodí, tam se rádo chodí*);
 - **Vedlejší věty příčinné** (СПП с придаточной частью причины);
 - **Vedlejší věty podmínkové** (СПП с придаточной частью условной);
 - **Vedlejší věty způsobu, míry a intenzity** (СПП с придаточной частью образа действия, меры и степени) (*Jak se do lesa volá, tak se z lesa ozývá*);
 - **Vedlejší věty účelové** (СПП с придаточной частью цели);
 - **Vedlejší věty srovnávací** (СПП с придаточной частью сравнительной). Для выражения противопоставления в синтаксической структуре чешской пословицы может встречаться сравнительные союз *čím...tím* и *než(li)* [Ершова, Котова 2017: 78];
 - **Vedlejší věty přípustková** (СПП с придаточной частью уступительной);
 - **Vedlejší věty následkové** (СПП с придаточной частью следствия);
 - **Vedlejší věty doplňkové** (СПП с придаточной частью присказуемого определения).
10. **Bezspoječná souvětí** (бессоюзные предложения) в чешском синтаксисе не классифицируются, в отличие от русского языка, где можно обнаружить восемь типов таких предложений (со значением перечисления, сопоставления, пояснения, причины, времени, следствия, значения, а также условным и присоединительным значением) [Валгина 2002: 570].

Как отмечает Котова, в своем учебном пособии, наиболее продуктивными синтаксическими пословичными моделями среди СПП в чешском языке являются по типу *kdo...*, (*ten*) (*Kdo lže, ten krade*); *co...*, (*to*) (*Co na srdci, to na jazyku*); *tak...*, *až* (*Tak dlouho se chodí se džbánem pro vodu, až se ucho utrhne*) [Котова 2010: 77-82].

Как упоминалось ранее, в русском пословичном фонде наиболее часто встречаются пословицы по типу простого предложения. Чермак отмечает, что среди сотни проанализированных им наиболее частотных чешских пословиц 61% были оформлены по типу простого предложения и порядка 38% в виде сложного, состоящего из двух частей [Čermák 2001]. Интерес представляют и данные, полученные Гавелковой, которые показывают, что 60% пословиц из ее анализа также были представлены в виде простого предложения [Havelková 2020: 64].

Важно отметить, что в русской грамматической традиции принято четкое разграничение двух структурных типов простого предложения (двусоставного и односоставного). Так, согласно русской традиции классификации, среди односоставных предложений различаются следующие структурно-семантические разновидности: определенно-личное, обобщенно-личное и пр. Однако в чешской грамматике принят иной подход к разграничению, а именно бесподлежащие двучленные предложения (*jednočlenné, větné struktury bezpodmětné*) и подлежащие двучленные предложения (*dvojčlenné, větné struktury podmětové*). Разграничение касается не только терминологического аспекта, но и предметно-содержательной стороны, т. е. чешские предложения с формально не выраженным подлежащим-субъектом, в чешской традиции квалифицируются, в отличие от русского языка, как предложения двучленные, а не одночленные [Рылов 2015: 519].

Некоторые важные различия наблюдаются и в сложных предложениях, так, мы можем выделить расхождения терминологического подхода к определению СП, а также различия в характерных союзах для того или иного типа связи.

Также Рыловым отмечается и то, что в чешском языке, в отличие от русского, в гораздо меньшей степени выражена тенденция к употреблению безличных и инфинитивных предложений. А синтаксические конфронтемы различного рода возникают даже при передаче одинакового логико-семантического содержания (*Елены нет дома — Helena není doma*) [Рылов 2015: 521].

Отдельно хотелось бы обратить внимание на труд Ольги Бергер, вышедший в 2021 году, который посвящен сопоставительному аспекту русского и чешского синтаксиса: «Синтаксические термины в русском и чешском языках: сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов)». И хотя при написании данной работы, мы обращались к нему косвенно, он безусловно представляет интерес для русистов и богемистов, а также специалистов по терминоведению и терминографии [Gallo 2021: 133].

Несмотря на то, что русский и чешский язык являются генетически родственными, в их синтаксических традициях можно найти немало различий, касающихся терминологических, структурных и классификационных аспектов синтаксиса, которые необходимо учитывать при выборе методологии сопоставительного анализа.

1.4. Предикат в чешском предложении-пословице

Согласно чешской грамматике, предикат (чеш. **přísudek** или **predikát**) — это то, что делает из слов предложение. С функциональной точки зрения, под предикатом понимается тот член предложения, который о ком-то что-то говорит, т. е. приписывает какие-то качества (Petr je starý), состояния (Petr sedí), изменения (Petr zestárl) или действия (Petr kouří), а также он может обозначать отношения (To auto patří Petrovi) [Grepl 1995: 369].

С формальной точки зрения, для предиката характерна финитность [Grepl 1995: 370]. Под финитной формой глагола (*лат. verbum finitum*) понимается форма глагола, способная выражать весь спектр глагольных категорий. Основная функция финитных форм — выступать в позиции вершины независимого предложения [Сердобольская 2005: 15].

Из характеристики предиката следует, что его функции могут выполнять только такие выражения, которые, во-первых, позволяют выразить некий признак объекта/ситуации и/или отношения между объектами, а во-вторых, способны своей формой выразить время и модус предикативного признака [Grepl 1995: 370].

Такие качества из частей речи имеют только глаголы в финитной форме, а также прилагательные (*žárlivý, rozpačitý* и др.), существительные (*kuřák, strůjce* и др.) или наречные выражения (*na roztrhání, nakřivo, k nevíře*). Чтобы такие выражения могли функционировать как предикаты, сначала они должны быть «оглаголены» (вербализированы). Это может происходить несколькими способами:

1. Через добавление формального глагола *být* к другим частям речи (*být líný, být kuřák, být k nevíře, být při penězích* и др.), который имеет функцию вербализатора;

2. Через соединение семантически ослабленного глагола с именной группой (*vzít v úvahu, mít za zlé, upadnout do rozpaků, dát na vědomí* и др.). Так появляются составные глаголы, часто приобретающие характер фразем [Grep1 1995: 370].

Опираясь на положения, указанные в обозначенных выше пунктах, в чешском синтаксисе для выражений, выполняющих функцию предиката, вводится термин **predikátor** (рус. предикатор [Рылов 2023: 256]), включающий не только фактические глаголы (*žárlit*), но и «синтаксические» (*být žárlivý, být žárlivec*) [Grep1 1995: 370].

Чешский синтаксический термин «предикатор» можно обосновать и иначе. Например, слово *vést* является глаголом с точки зрения морфологии. В словарях *vést* приводится как одно слово, имеющее много значений. А с точки зрения синтаксиса (предложения), оно ведет себя синтаксически по-разному в каждом из этих значений, т. е. закладывает другую структуру предложения, иначе говоря, представляет разные предикаторы: (1) *Lendl vede*; (2) *Pavel vede Petra do školy*; (3) *Vede se mi dobře* и т. д. [Grep1 1995: 371].

Синтаксические связи «*být* + существительное», «*být* + прилагательное», «*být* + наречие» могут образовывать несколько предикативных выражений по аналогии с глаголами [Grep1 1995: 371].

Чаще всего предикат выражается полнозначным глаголом в личной форме, т. е. глагольным сказуемым (*přísudek slovesný*) [Bílková: 23]. Например: *Láska hory přenaší* (*přísudek slovesný jednoduchý*).

Модальные **muset, moci/mocht, smět, chtít, mít** (*Štěstí se musí chytit za pačesy*) и фазисные глаголы **začít, přestat, zůstat** в сочетании с инфинитивом полнозначного глагола считаются не самостоятельным членом предложения, а составным глагольным сказуемым (*přísudek slovesný složený*) [Bílková: 21].

Глагольное сказуемое может быть выражено междометием, имитирующим движение или звук (*Navrch huj, vespod fuj*) [Bílková: 24].

В роли глагола-связки (*slovesa sponová*) могут выступать: **být** (*Opravování je matka moudrosti*), **bývat** (*Pod svícнем bývá tma*) и др. Такие глаголы в функции связки не имеют семантического содержания, и функционируют вместе с именной частью как один член предложения, а не словосочетание [Bílková: 21-24]. Важно различать такие глаголы в своем собственном значении «существовать» (*Není každý den posvícení*) и в роли связки (*Každý začátek je těžký*).

Связка может быть не выражена, т. е. речь идет об эллипсисе глагольной связки, где на месте глагола может появиться тире. Такая конструкция характерна для пословиц, лозунгов, надписей и др. (*Mladost radost; Hlad — nejlepší kuchař*) [Bílková: 24]. Как отмечает Чермак, это сильно контрастирует со стандартным чешским предложением. Также представляет интерес то, что эллипсис характерен для пословиц среднего размера. Среди четырех самых коротких пословиц паремиологического минимума эллипсис встречается только в *Sliby chyby* [Čermák 2001].

Как уже упоминалось ранее, именное сказуемое (*přísudek jmenný*) в чешском языке может быть выражено и другими частями речи [Bílková: 24]:

- Прилагательным (*Blbost je nakažlivá*). Сказуемое, выраженное прилагательным со связкой *být* стоит преимущественно в И.п.;
- Существительным в И.п. или Т.п. Именительный падеж после связки причисляет носителя действия к какой-либо группе или определяет его характеристику (*Zvyk je železná košile*) творительный падеж выражает род деятельности носителя действия (*Každý (je) svého štěstí strůjcem*), его функцию или то, что подлежащее чем-то стало временно;

- Редко генетивом (Р.п.) качественного определения (*Byl veselé mysli*);
- Другими косвенными падежами **bez** + Р.п. (*Bez práce nejsou koláče*), **k** + Д.п. (*K smíchu i k pláči*), **v** + П.п. (*V jednotě je síla*) и др.;
- Наречием (*Je mi to fuk*);
- Инфинитивом (*Život prožít není pole projít*);
- Сравнительным оборотом (*Lež jako věž*);
- Придаточным сказуемым (*Hloupý, kdo dáva, hlopější, kdo nebere*).

Средний размер чешских пословиц — 4,6 слов, согласно исследованиям Чермака. Самые короткие пословицы состоят всего из двух слов (*Pravda vítězí; Sliby chyby; Příklady táhnou; Peníze nesmrdí*), а наиболее длинные из 8-10 слов (*Jak se do lesa volá, tak se z lesa ozývá; Tak dlouho se chodí se džbánem pro vodu, až se ucho utrhne*) [Čermák 2001].

Позиция сказуемого в предложении определяется его грамматическим характером и другими мотивами, т. е. оно не закреплено ни на каком месте в предложении (*Pomoz si sám; Dvakrát měř, jednou řež; Pro jedno kvítí slunce nesvítí*) [Šmilauer 1966: 154]. Безусловно жанровые особенности пословиц приводят к смещению различных частей речи со своих «обычных» позиций, что заметно даже при беглом рассмотрении чешского пословичного фонда.

В языке пословиц встречаются и нефинитные (т. е. неличные) формы глагола. Как отмечает Яна Коцкова, система нефинитных глагольных форм в русском и чешском языке совпадает, т. е. к ней относятся деепричастия, причастия и инфинитивы (*Pozdě bycha honiti; Умные речи приятно и слушать*). Однако, в чешских традициях к неличным глагольным формам можно отнести и вербальные существительные [Kocková 2019: 91].

Подлежащим в чешском предложении чаще всего бывает имя существительное (*Výjimka potvrzuje pravidlo*) или личное местоимение (*My*

o voze a on o koze), которое опускается, если на него не падает логическое ударение или оно не окрашено эмоционально [Bílková: 21].

Полноправный субстантивный член предложения может быть выражен придаточной частью (*vedlejší věta podmětná*) с характером определения (*Kdo se bojí, nesmí do lesa*) [Hlavsa 1999].

1.5. Семантико-синтаксическая классификация предикатов в русском и чешском языках

Основная часть данной главы была посвящена синтаксическим особенностям предложений-пословиц и формальному выражению предикатов в русском и чешском языках. Обнаруженные нами языковые различия, приводят нас к мысли, что для проведения сопоставительного анализа будет не достаточно опираться только на формальный способ выражения предикатов.

Таким образом, мы решили обратиться к семантической классификации предикатов, чтобы иметь возможность проводить сравнение без оглядки на тип предложения или грамматическую форму.

Как отмечает Е.Ю. Иванова, несмотря на то, что использование семантической типологии в сопоставительном аспекте принято считать перспективным лишь для языков без близкого родства, такие исследования могут быть интересны [Иванова 2012: 74].

Стоит заметить, что для разных языков существуют разные классификации, причем их может быть несколько. Для русского паремиологического минимума мы решили использовать семантико-синтаксическую классификацию из «Коммуникативной грамматики русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 59-77], связанную с типологией предикатов Т.В. Булыгиной, а для чешского — классификацию

Петра Карлика из пособия «Příruční mluvnice češtiny» [Karlík 1995: 372-386].

Русская классификация подразумевает первое деление на знаменательные и неполнознаменательные глаголы (Таблица 1). На фоне главной оппозиции «частей речи» («полных» слов) и «частиц речи» (служебных слов) вырисовывается промежуточная категория глаголов, реже других частей речи, неполнознаменательного характера [Золотова 2004: 76-77].

Таблица 1. Русская семантическая классификация предикатов

Неполнознаменательные глаголы	Полнознаменательные глаголы	
	Акциональные	Неакциональные
1. Модификаторы: а) Фазисные б) Модальные 2. Компенсаторы	1. Физического действия 2. Ментального действия	1. Статуальные 2. Функцивные 3. Реляционные: а) Локализирующие б) Партитивные в) Посессивные г) Сопоставительные 4. Компликаторы: а) Каузативные б) Авторизующие

В центре глагольной системы — подкласс глаголов с **акциональным** значением, т. е. со значением действия, которые в свою очередь представлены несколькими семантическими разрядами:

- Глаголами **физического действия** (*бить, писать, шить*);
- Глаголами **перемещения и движения** (*ходить, идти, лететь*);
- Глаголами **речевого действия** (*говорить, браниться*)

- Глаголами **донативного действия**, изменяющего посессивные отношения (*дарить, брать, делиться*);
- Глаголы более сложной семантики **социальных интересубъектных действий** (*ссориться, мириться, играть с кем, воевать*)

Эти разряды акциональных глаголов можно охарактеризовать, как активные целенаправленные действия, совершаемые, как правило, лицом или живым существом, имеющие потенциальную наблюдаемость и конкретно-временную локализацию [Золотова 2004: 61].

Другие разряды, располагающие этими признаками не в полном объеме, составляют периферию акционального подкласса. Например, наблюдаемость не характерна для глаголов **ментальных** (*думать, решать*), **восприятия** (*слышать, смотреть*) и **эмоционального действия** (*сердиться, буяннить*), которое может быть наблюдаемо в зависимости от активности внешнего проявления. Глаголы **физиологического действия** (*дышать, пить, есть*) могут не иметь целенаправленности. Некоторые разряды имеют двойственную позицию, так, **глаголы деятельности** (*работать, учиться*) и **способов поведения** (*обманывать, лукавить*) не лишены признаков активности и целенаправленности, но чаще представляют интерпретацию процесса [Золотова 2004: 61].

Второй крупный подкласс — глаголы **неакциональные**, т. е. не располагающие признаками активности и целенаправленности [Золотова 2004: 61-70]:

- Носителями состояний глаголов состояния (**статуальных**) вступают следующие субъекты: *лица и живые существа*, испытывающие физические и душевные состояния (*расти, тосковать*), а также пребывающие в социально значимом состоянии (*вдовствовать, бедствовать*); *предметы* (*цвести, гореть, таять*); *среда, пространство, локус* (*дует, метет, громыкает*).

- Некоторые акциональные глаголы, сочетаясь с именами предметных субъектов, утрачивают значение действия, т. е. становятся **функциональными** (*Солнце светит, Дождь идет*).
- **Реляционные** глаголы выражают не действие, а разного рода отношения между предметами (локативные, партитивные, компаративные, посессивные и др.). Здесь характерно ослабление роли глагола, он может опускаться или становится факультативным, входить в состав предиката вместе с именным признаковым компонентом (*В каждой шутке (есть) доля правды*).

Как разновидность **локативных** конструкций можно рассматривать и предложения *экзистенциальных* лексически ослабленных глаголов, поддерживающих утверждения наличия, присутствия/отсутствия названных лиц, предметов в некотором пространстве, восприятия явлений природы (*За окном идет дождь; Есть на Волге утес*) [Золотова 2004: 61-70].

Партитивные отношения выражаются с помощью неакциональных глаголов со значением классификации, а также со значением целого и составных частей. Такие отношения могут быть представлены и безглагольным соотношением синтаксем (*Два сапога — пара*) [Золотова 2004: 61-70].

Посессивные отношения (принадлежности) выражаются и безглагольной конструкцией, спрягающей синтаксему субъекта владения «У кого» с синтаксемой объекта владения «Кто, Что» (*Что имеем — не храним; И у стен есть уши*) [Золотова 2004: 61-70].

Конструкции с глаголами **компаративного** значения содержат сравнение двух предметов, а также указание на основание сравнения (*На безрыбье и рак рыба*) [Золотова 2004: 61-70].

Полновесные акциональные и неакциональные глаголы объединяются тем, что способны функционировать в основной глагольной роли — предиката предложения, самостоятельно или при поддержке именных синтаксем, выражая предикативный признак субъекта [Золотова, 2004: 70].

Неполнознаменательные глаголы не способны служить предикатом. Они либо выполняют чисто связочную функцию (между субъектом и предикатом), либо обозначают признак предиката и его фазы процессуального развития [Золотова 2004: 70]. Можно отметить, что в языке пословиц такие формы также проявляют себя, причем с опущением смыслового глагола (*Начал за здравие, а кончил за упокой; Хочется, да не можется*). Мы считаем, что в рамках нашего анализа, такие пословицы нужно рассматривать с точки зрения поверхностной семантики. Так, первый случай уйдет в категорию полипредикативных действий, а второй можно отнести к категории состояния.

На самом высоком уровне чешские предикаты (*чеш.* *predikátory*) делятся на **elementární** (простые) и **mutační** (модификационные) (Таблица 2).

Таблица 2. Чешская семантическая классификация предикатов.

PREDIKÁTORŮ (<i>предикаты</i>)					
ELEMENTÁRNÍ (<i>простые</i>)		MUTAČNÍ (<i>модификационные</i>)			
Stavy (<i>состояния</i>)	Procesy (<i>процессы</i>)	Prosté mutace (<i>простого изменения</i>)		Akční mutace (<i>акционального изменения</i>)	
		Změny stavů (<i>изменения состояния</i>)	Změny procesů (<i>изменения процессов</i>)	Změny stavů (<i>изменения состояния</i>)	Změny procesů (<i>изменения процессов</i>)

Предикаты без изменений (*elementární*), т. е. состояния и простые события, подразделяются на подгруппы [Karlík 1995: 373-374]:

1. Предикаты **существования** (*existence*) — «někdo/něco je/existuje» (*být, existovat*).

2. Предикаты **квалификации** (*kvalifikace*):

- **качество** (*vlastnost*) — «někdo/něco je nějaké» (*být starý*);
- **сходство** (*shoda vlastností*) — «někdo/něco je stejné jako někdo/něco» (*být stejný jako*);
- **различие** (*různost vlastností*) — «někdo/něco je jiné než někdo/něco» (*být jiný než, být starší než*).

3. Предикаты означающие **атмосферные состояния** (*atmosférické stavy*) — «být nějak» (*být zataženo, být zima*).

4. Предикаты **психосоматического состояния** (*psychosomatické stavy*) — «být někomu nějak» (*být někomu nevolno, být někomu pod psa*).

5. Предикаты **принадлежности** в широком смысле (*přináležitost v širokém smyslu*) — «někdo/něco má někoho/něco»:

- **конкретного** или **абстрактного объекта** (*mít, vlastnit*);
- **информации** (*vědět, znát*).

6. Предикаты **положения** (*poloha*) — «někdo/něco je v nějaké poloze» (*sedět, klečet*).

7. Предикаты **локализации в пространстве** (*lokalizace v prostoru*):

- **простая локализация** (*prostá lokalizace*) — «někdo/něco je někde» (*nacházet se, zdržovat se*);
- **упорядоченность** (*uspořádanost*) — «někdo/něco je před/za/pod někým/něčím» (*být před, nacházet se před*);
- **(со)присутствие** (*((sou)výskyt*) — «něco obsahuje něco» (*vyskytovat se, obsahovat*).

8. Предикаты означающие **включение во времени** (*zařazení v čase*):

- **простое включение** (*prosté zařazení*) — «něco je někdy» (*být kdy, konat se*);
- **упорядоченность** (*uspořádanost*) — «něco je před/po něčem» (*předcházet, následovat*);

9. Предикаты **количества** (*kvantita*) — «něco má nějakou kvantitu» (*být kolik, měřit*).

10. Предикаты, означающие **соотношение** (*korelace*) — «někdo/něco vyhovuje někomu/něčemu» (*vyhovovat, odpovídat*).

Предикаты простого действия (*dějové*) представляют из себя простые процессы, например *pršet* (моросить), *svítit* (светить), *spát* (спать), *milovat* (любить). Разницу между состояниями и процессами не всегда легко распознать [Karlík 1995: 374].

С другой стороны, простым предикатам противопоставлены предикаты, подразумевающие изменение семантической структуры, они называются — модификационные (*mutační*). Это предикаты перехода от начального к конечному состоянию: *usnout* (*nespát — spát*) и под. [Karlík 1995: 374].

Простые предикаты от модификационных предикатов можно различить на основе видов глагола. В видовых парах совершенный вид означает его действие и фазу, в то время как несовершенный вид не говорит о фазах ничего (*psát = stále je něco psáno vs. napsat = není napsáno → začít psát → je napsáno*).

Модификационные предикаты также делятся на две группы по типу изменения (т. е. по наличию внешнего инициатора действия). Простые изменения (*prosté mutace*) представлены без стороннего инициатора действия — *oslepnout* (речь идет об изменении состояния, но не известно, кто и как ослеп) или *posadit se* (речь идет об изменении состояния инициатором, но не сторонним) [Karlík 1995: 374].

Акциональные изменения (akční mutace) подразумевают внешнего инициатора изменения: oslepit (не только переход от nebýt slepý к být slepý, но и к раскрытию, кто или что ослепило) [Karlík 1995: 374].

Учитывая схожесть в логике распределения по основным классам русских и чешских предикатов, т. е. неакциональным/elementárním и акциональным/mutačním, можно предположить, что такие классификации представляется возможным взять за основу для сопоставительного анализа средств выражения предикатов русского и чешского паремиологического минимума, но безусловно необходимо вывести более универсальные критерии сравнения (Таблица 3).

Предикаты обладают семантической и синтаксической валентностью. Одной из существенных особенностей предикатов является то, что семантическая структура предполагает разное количество участников — партиципантов, которые выступают в разных семантических ролях (агенс, пациенс и т. д.) [Karlík 1995: 384].

Партиципанты отражают в грамматической структуре предложения конститутивные (неглавные) члены предложения. Типы предложения (базовые структуры предложения) зависят от количества и формы выражения партиципантов. С такой грамматико-синтаксической точки зрения на предложение, мы говорим о валентности предикатов в функции сказуемого [Karlík 1995: 386].

Под понятием валентности предикатов понимается их способность связывать определенное количество синтаксических позиций (членов предложения), определяемое числом и характером семантических партиципантов [Karlík 1995: 386].

Предикаты в активной форме изъявительного/условного наклонения имеют полный (нередуцированный) валентный потенциал. В формах пассива или в возвратной форме глагола некоторые валентные

позиции могут быть редуцированы. Валентность не всегда может быть реализована, но для этого должны быть причины (контекстные, эмоциональные и др.) [Karlík 1995: 387].

Валентность — это не просто синтаксическая потенция слова, поэтому следует различать формальную валентность, которая не всегда совпадает с содержательной. Это важно и для такого, стремящегося к краткости, жанра как пословицы, где валентностью обычно обладают слова, дающее ощущение неполноты высказывания.

В пословице способ выражения предиката зависим и от «поверхностной» семантики. Поверхностная семантика лексемы — это семантика, проявляющаяся в конкретном контексте и реализующаяся за счет формально-содержательной сочетаемости с другими лексемами. Например, в пословице, представленной в статье Ван Хуа, *Из сердца слов не выкинешь, а в сердце не вложишь* соматизм *сердце* реализует поверхностную семантику «полость, сосуд», которая проявляется за счет сочетаемости с предлогами *из* и *в*, имеющую семантику внесения и извлечения, а также с глаголами *выкинуть* и *вложить* с подобным значением [Ван 2020: 106].

Таким образом, изучив теоретические положения о синтаксисе пословичных единиц русского и чешского паремиологического минимума, а также отобранный материал для нашего анализа, можно выделить две основные группы — **монопредикативную** и **полипредикативную** (очень продуктивна в русском пословичном фонде), которые в свою очередь делятся на **предикаты действия, состояния и характеристики**.

Таблица 3. Схема анализа паремиологического минимума.

МОНОПРЕДИКАТ.	ПОЛИПРЕДИКАТ.
Действие: <i>Язык до Киева доведет</i>	Два действия: <i>Милые бранятся — только</i>

<i>Vrána k vráně sedá</i>	<i>тешатся</i>
Состояние (характеристика): <i>Пьяному море по колено</i> <i>Bez práce nejsou koláče</i>	Два состояния (признака): <i>Мал золотник, да дорог</i> <i>Нор nebo trop</i>
Характеристика субъекта: <i>Вякая вещь о двух концах</i> <i>Všude je chleba o dvou kůrkách</i>	
Характеристика, влияющая на действие: <i>Сытый голодному не разумеет</i> <i>Sytý hladovému nevěří</i>	

Монопредикативную группу предложенной нами классификации можно разделить на следующие типы:

- Предикаты действия, к которым относятся глаголы активного и контролируемого действия;
- Предикаты состояния или характеристики, куда мы определим неакциональные глаголы и прочие способы описания состояния;
- Предикаты характеристики субъекта;
- Характеристики, влияющие на действие.

Полипредикативная группа имеет следующие типы:

- Два действия одного субъекта;
- Два состояния одного субъекта.

Мы предполагаем, что такая классификация обладать периферийными (переходными) областями между типами, особенно в эллиптических предложениях или в случаях с неглагольными предикатами.

Ожидаемо, что среди пословиц чешского языка полипредикативность в пословицах по типу простого предложения не будет такой распространенной, как в русском языке.

Выводы к главе 1

Русская и чешская системы частей речи организуются противостоянием и одновременно с этим тяготением между подлежащим и сказуемым, причем деление на имена и предикаты проходит не по традиционным границам частей речи, а это значит, что способы выражения предиката чрезвычайно многообразны в обоих языках.

В русском языке часто происходит подмена термина предикат — сказуемым, в чешском слова, выполняющие функцию предиката, называются — предикаторами (*predikátory*).

Традиционно под пословицей понимается устойчивый словесный комплекс, нередко пришедший из фольклора, имеющий синтаксическую структуру замкнутого предложения, обладающий афористичностью, прямым или переносным планом выражения, обозначающий ситуацию и содержащий нравоучительную сентенцию.

Предложение-пословица имеет свои синтаксические особенности, которые отличают его не только от обычного предложения, но и от других устойчивых кратких текстов.

Синтаксические особенности русского пословичного фонда были хорошо изучены З.К. Тарлановым, который представил несколько монументальных работ по данной теме.

Так, Тарланов подтверждает то, что диапазон форм, используемых в русских пословицах в роли предиката очень широк. Совсем немногочисленны случаи выражения предиката, разве что, незначительными словами.

Важно отметить, что Тарланов подходил к изучению данной темы больше с формальной точки зрения, т. е. какую грамматическую форму имеет предикат, и какие синтаксические модели реализованы в разных типах предложений.

Изучением чешского пословичного фонда занимаются такие ученые-исследователи как Ф. Шиндлер, Д. Биттнерова, Ф. Чермак, а также М.Ю. Котова, О.С. Сергеенко и др. Стоит отметить, что в теоретическом плане чешский пословичный фонд описан значительно меньше русского.

Несмотря на то, что русский и чешский язык являются генетически родственными, в их синтаксических традициях можно найти немало различий, касающихся терминологических, структурных и классификационных аспектов, которые необходимо учитывать при выборе методологии сопоставительного анализа.

Таким образом, мы пришли к семантико-синтаксической классификации предикатов, которая имеет в своей основе главное разделение по акциональности и неакциональности предиката. Акциональные предикаты, представлены преимущественно глаголами активного и целенаправленного действия, а неакциональные описывают состояние или характеристику субъекта. Следующим важным критерием является наличие однородных предикатов, потому что, согласно Тарланову, в русском пословичном фонде их достаточно много.

Можно предположить, что жанровые особенности пословиц (переносные значения) приведут к появлению переходных (периферийных) областей между типами предикатов, где будут находиться случаи типа *Все под богом ходим*, т. е. выражение состояния акциональными глаголами и под.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОДХОДА НА ПОСЛОВИЧНОМ МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

2.1. Истории возникновения и дальнейшего развития паремиологического минимума Г.Л. Пермякова

Понятие паремиологического минимума, как и сам этот термин, было введено профессором Г.Л. Пермяковым в его теоретических трудах по паремиологии в 70-х гг. прошлого века. В список паремиологического минимума, т. е. отдельного списка русских паремий, он включил 500 наиболее употребительных пословиц и афоризмов русского языка, выявленных в ходе продолжительного социолингвистического эксперимента. Для проведения данного эксперимента Пермяков создал научную лабораторию, которая занималась подготовкой опросников, тестированием, обработкой данных и проч. [Котова 2010: 25].

Стоит отметить, что Пермяков в своих трудах выдвигал идею об интернациональности паремиологического минимума разных языков и о его специфичности, которая проявится при совмещении нескольких паремиологических минимумов. До конца 90-х гг. такое совмещение не представлялось возможным по причине отсутствия исследования паремиологических минимумов в других языках. Труды Пермякова послужили основой при создании нескольких словарей, например двуязычного русско-болгарского словаря С. Влахова и многоязычного словаря пословиц М.Ю. Котовой «Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями)» (РССПАС). Немецкий ученый Ф. Шиндлер и Д. Биттнерова использовали теорию паремиологического минимума Пермякова и отталкиваясь от понятия языковой нормы, заложенного Пражским лингвистическим кружком, также провели социологический эксперимент на материале чешского языка. В результате которого они

опубликовали список пословиц чешского паремиологического минимума. На материале других славянских языков на данный момент пока не проводились такие масштабные исследования [Котова 2010: 26].

После изучения теоретических положений о синтаксисе русских предложений-пословиц и способах выражения в них предиката, мы приступили к отбору паремий, подходящих для наших целей. Согласно Ренковской, для анализа целесообразно взять не все возможные синтаксические типы пословиц, а только те, которые представлены простым предложением. Во-первых, это обуславливается тем, что такой тип предложений наиболее частотный. Среди пословиц, приведенных в книге Пермякова, таких будет более 60% и около 80% среди наиболее частотных вообще. Во-вторых, Ренковская утверждает в порядке гипотезы, что особенности синтаксиса, выделенные в простых предложениях, с большой долей вероятности будут представлены и в пословицах с более сложной синтаксической структурой [Ренковская 2011: 610].

2.2. Анализ русского паремиологического минимума

За основу для анализа способа выражения предиката в русских пословицах был взят паремиологический минимум, представленный в книге Пермякова, который был дополнен материалом из русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями М.Ю. Котовой. Для практической части данной работы, нами были отобраны замкнутые простые предложения, отвечающие ранее указанному определению пословицы. Полный список проанализированных предложений-пословиц вынесен в Приложение №1.

Из русского паремиологического минимума всего было отобрано 265 пословичных единиц, которые мы условно представим за 100%.

Среди отобранного материала безусловно преобладает монопредикативность (~82%).

Согласно нашей классификации предикатов, которая была представлена в последнем параграфе первой главы, свой анализ мы начнем **пословицами с предикатом действия** (всего таких ~23%).

Нельзя не отметить, что в пословицах такого типа четко прослеживается тенденция к постпозиции глагола (*Язык до Киева доведет; Правда глаза колет; Чем черт не шутит; Судьба играет человеком* и под.), за редким исключением пре- (*Не учи ученого; Живи своим умом*) и интерпозиции (*Из двух зол выбирай меньшее; Appetit приходит во время еды*).

Формально глагол выражен преимущественно спрягаемыми формами настоящего (*Победителей не судят*) и простого будущего времени (*От судьбы не уйдешь*), реже формами прошедшего времени (*Без меня меня женили*). Формы императива совсем немногочисленны (*Не учи ученого*).

Общая структура пословиц выстраивается по модели *субъект — объект (обстоятельство) — предикат*. Например: *Терпение и труд все перетрут; Смелость города берет; Бабушка надвое сказала*. При отсутствии субъекта последовательность актантов все равно сохраняется (*Словья баснями не кормят; Кота в мешке не покупают*).

При выражении **монопредикативного состояния** (~40%) или **характеристики субъекта** (~13%) синтаксические структуры более размыты.

Для **монопредикативных пословиц со значением состояния** не характерно выражение предиката глаголом в препозиции. Зато широко встречаются глаголы в пост- (*Бог троицу любит; Дело мастера боится;*

Овчинка выделки не стоит; Свет клином не сошелся) и реже в интерпозиции (*Рыба портится с головы; Скромность красит человека*).

Важно отметить, что здесь обнаруживается переходная (периферийная) область между предикатами действия и состояния. Пословицы с такими переходными значениями содержат акциональные глаголы, которые в пословицах выражают состояние (*Все под Богом ходим; Копейка рубль бережет; Каждый по-своему с ума сходит* и под.).

Иногда глаголы, имеющие формально одинаковый способ выражения, относятся к разным семантическим подгруппам. Например: *И у стен есть уши* (посессивность) и *На хотенье есть терпенье* (экзистенциальность).

Также предикат состояния в пословицах может быть выражен существительным (*На безрыбье и рак рыба*), краткой формой прилагательного (*Голь на выдумку хитра; Долг платежом красен; Остатки сладки*), сравнительной степенью (*Уговор дороже денег; Утро вечера мудренее*), частицей нет (*Дураков теперь нет; Нет худа без добра*), сочетанием числительного + существительного (*У медали две стороны; Зимой и летом одним цветом*) и другими немногочисленными формами (*Видать птицу по полету; Все хорошо в меру* и др.).

В пословицах такого типа предикаты занимают препозицию довольно редко (*Нет правила без исключения*), но четкой тенденции к определенной синтаксической структуре нет.

Монопредикативная характеристика субъекта отличается обилием эллиптических схем построения предложения по модели *субъект — именной предикат* (*Язык мой — враг мой; Старость — не радость; Конец — делу венец* и под.). Другие формы выражения предиката немногочисленны (*Палка о двух концах*). Здесь опять же обнаруживаются

пограничные зоны с предикатами состояния (*Всякому овощу свое время; Всему свое время*).

Монопредикативная характеристика субъекта, влияющая на действие (~6%) чаще всего представлена по модели: «характеристика — субъект — объект — действие» (*Дурная голова ногам покоя не дает*) или «характеристика — объект — субъект — действие» (*Под лежащий камень вода не течет*). Также у данной семантической группы встречается пропуск актантов. Например: *Лежачего (человека) (люди) не бьют* или *Горбатого (человека) могила исправит*.

Пословицы типа «*Сделанного не воротить*» и «*В чужую душу не влезешь*» находятся на периферии (переходной области) между характеристикой субъекта и группой, в которую мы их определили.

Предложения-пословицы с полипредикатами действия (~11%) встречаются с союзами **а** (*По усам стекло, а в рот не попало*), **и** (*Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет*), **да** (*Говори, да не заговаривайся*), а также **в бессоюзной связи** (*Пришел, увидел, победил*).

Выделить тенденцию к единой синтаксической модели построения пословиц с полипредикатами сложно в связи обилием разных типов связи однородных предикатов. Так, например, *Поспешишь — людей насмешишь* выражает условие, *Мал золотник, да дорог* противопоставление, а *Стерпится — слюбится* дополнение. По этой же причине сложно выделить универсальный формальный способ выражения предикатов, т. е. они представлены различными частями речи в разных грамматических формах (*Век живи — век учись; Не подмажешь — не поедешь* и т. д.), где безусловно преобладают глагольные и отглагольные формы (*Сказано — сделано*).

Наиболее продуктивной моделью построения предложения с полипредикатами действия является эллиптические предложения с тире со

значением условия (*Много будешь знать — скоро состаришься; Не подмажешь — не поедешь; Тише едешь — дальше будешь*) и с союзом **а**, выражающим противительные отношения (*Не родись красивым, а родись счастливым; Языком болтай, а рукам воли не давай; На Бога надейся, а сам не плошай*). Более редкие случаи с союзом **да** выражают противопоставление (*Редко, да метко*), в некоторых случаях **да** имеет значение **и** (*А Васька слушает да ест; Сядем рядом да поговорим ладком*).

Предложения-пословицы с полипредикатами состояния (~7%) встречаются с союзами **а** (*Не красна изба углами, а красна пирогами*) и **да** (*В тесноте, да не в обиде*), а также **в бессоюзной связи** (*Молодо — зелено*).

Наиболее активно себя проявляет союз **да**, выражающий противительные отношения (*Светит, да не греет; Конь о четырех ногах, да спотыкается; Лучшие меньше, да лучше*). Бессоюзные предложения по эллиптической схеме построения выражают преимущественно отношения следствия (*Молодо — зелено; Не пойман — не вор*). Союз **а** представляет предложения с противопоставлением (*По усам текло, а в рот не попало; Вместе тесно, а врознь скучно*).

Предикаты в таких пословицах могут выражаться различными частями речи (*Нынче здесь — завтра там; Большому кораблю — большое плаванье*), крайне редко неакциональными глаголами (*Светит, да не греет*).

Однородные предикаты, вне зависимости от семантической принадлежности, стремятся к формальной схожести (*Редко, да метко; Тише едешь — дальше будешь*), которая задает ритм, позволяющий пословицам хорошо запоминаться, поэтому случаи выражения предикатов

разными частями речи немногочисленны (*Конь о четырех ногах, да спотыкается*).

Важно отметить, что некоторые случаи можно трактовать как «пословицы с семантически осложненной структурой», т. е. с включенным предикатом в присубъектной позиции (*Пуганая ворона и куста боится; Утопающий и за соломинку хватается*). Оба предиката, (т. е. включенный и основной), являются оценочными, сама оценочность может быть выражена прямо или косвенно. Как отмечает Н.А. Дьячкова, в роли включенного предиката часто выступает прилагательное, в том числе отглагольное, или причастие с приставкой не- (*Незванный гость хуже татарина*). Включенный предикат вносит информацию о ретроситуации. Информация, вносимая включенным предикатом, когнитивно осложняет предложение. При развертке такой синтаксической конструкции воспринимающий субъект получает возможность осознать мотивацию того положения дел, которое репрезентируется основным предикатом [Дьячкова, 2003: 82]. Случаи осложнения основного предиката включенным не так многочисленны, но могут представлять интерес для других исследователей, потому что нередко такие случаи находятся на периферии классификации. Так, в нашей классификации *утопающий* попал в категорию монопредиката, влияющего на действие, а *пуганая ворона* и *незванный гость* в категорию полипредиката состояния.

Выводы к главе 2

Нельзя не отметить большой вклад русских паремиологов в развитие не только отечественной, но и зарубежной паремиологии. Так, благодаря трудам Г.Л. Пермякова, вдохновившим чешских ученых, мы получили возможность провести сопоставительный анализ способов выражения предиката в пословицах русского и чешского паремиологического минимума.

Согласно полученным данным, русский паремиологический минимум по семантической классификации предикатов представлен по частотности следующим образом:

- 40% — монопредикаты, выражающие состояние (характеристику);
- 23% — монопредикаты, выражающие действие;
- 13% — монопредикаты, выражающие характеристику субъекта;
- 11% — полипредикаты, выражающие два действия;
- 7% — полипредикаты, выражающие два состояния (признака);
- 6% — монопредикаты, характеристика которых влияет на действие.

Какие-либо четкие закономерности в синтаксических моделях удается обнаружить не всегда, но можно отметить, что:

- Предложения-пословицы, выражающие действие, чаще всего строятся по модели: «*субъект — объект (обстоятельство) — предикат*», которая сохраняется даже при пропуске актантов;
- Монопредикат в предложениях, выражающих состояние или характеристику, имеет широкий спектр формального выражения различными частями речи, но сохраняет тяготение к интер- или постпозиции;
- Монопредикативная характеристика субъекта чаще всего представлена моделью: «*субъект — именной предикат*»;

- Между состоянием и характеристикой не всегда легко провести границу, т. к. некоторые предикаты находятся на периферии классов, что делает границы условными, поэтому необходимо ориентироваться на поверхностную семантику пословицы;
- Монопредикативная характеристика субъекта, влияющая на действие представляется модели: «*характеристика — субъект — объект — действие*» или «*характеристика — объект — субъект — действие*» даже при пропуске актантов.
- Однородные предикаты оказались довольно продуктивны с разными типами связи, особенно при выражении двух действий одного субъекта.
- К группе однородных предикатов мы также частично отнесли и включенный предикат, где он выражен отглагольными прилагательными.

ГЛАВА 3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЧЕШСКИХ ПРЕДИКАТОВ НА БАЗЕ ПОСЛОВИЦ

3.1. Чешские паремиографические традиции

Истоки чешской паремиологии берут свое начало еще во второй половине XV в. в труде С. Флашки под названием «*Proverbia Flassconis, generosi domini et baccalarii Pragensis*». Знаменитая «Грамматика чешская» Я. Благослава (1571) также содержала список пословиц, которые, вероятно, были отчасти заимствованы из сборника М. Червинки. Следует упомянуть и словарь Я. Срна «*Dicteria seu proverbial bohémica, ad phrasim Latinorum accomodata atque per centurias quondam in usum scholae private distribute (1582–1599)*», который послужил в середине XVII в. одним из ключевых источников материала для словаря пословиц Я. А. Коменского «*Moudrost starých Čechů za zrcadlo vystavená potomkům*», изданного лишь в 1849 г. Почетное место в чешской паремиографии занимает один из крупнейших деятелей чешского национального возрождения — Й. Добровский, который в 1804 г. издал сборник чешских пословиц «*Českých přísloví sbírka*». Публикации чешских пословиц были также в некоторых журналах и в словаре Й. Юнгмана. В 1848 г. был опубликован сборник чешских пословиц Я. С. Либлинского (1800 паремий), а в 1851 г. сборник Я. В. Розума (4800 паремий). До сих пор не появилось ничего подобного многоязычному словарю славянских пословиц «*Moudrosloví národu slovanského ve příslovích*» Ф. Л. Челаковского. Этот монументальный труд состоит из двух частей — в первой представлены славянские пословицы (порядка 15 тыс. единиц), а во второй — поговорки. Стоит отметить, что Ф.Л. Челаковский даже опередил В.И. Даля, в своем указании на необходимость разграничить пословицы и поговорки [Сергиенко 2015: 15-16].

Позднее уже в XX в. также было предпринято несколько попыток описать чешский паремиологический фонд. Первая часть труда «Přísloví staročeská» В. Флайшганса, который должен был зафиксировать все существующие чешские пословицы, как старочешские, так и новочешские, вышла в 1911 г. К сожалению, труд Флайшганса оказался неоконченным, изданы были только первые две части. В 1947 Я. Заоралек издал книгу «Lidová řečnická», вобравшую в себя множество идиоматических оборотов и фразеологизмов, однако пословицы представлены не были. Как отмечают современные чешские паремиологи Д. Биттнерова и Ф. Шиндлер, основной недостаток последних трудов заключается в том, что они не содержат никакого нового актуального материала, а лишь опираются на созданные ранее сборники. Во второй половине XX в. чешский поэт и фольклорист Й. Спилка организовал крупномасштабную деятельность по сбору чешских пословиц по всей территории Чехии, Моравии и Силезии. В результате чего появилась рукописная картотека, вобравшая в себя несколько десятков тысяч единиц, в том числе с вариантами, из которых более шести тысяч пословиц были записаны из уст носителей чешского языка. После смерти Спилки его картотека осталась неизданной в архиве Института этнографии и фольклористики Академии наук. Впервые результаты исследования Спилки были опубликованы в словаре Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлера, о котором уже упоминалось ранее [Сергиенко 2015: 16].

Новые попытки фиксации современного состояния чешского паремиологического фонда возникли в 80-х годах прошлого столетия на базе Карлова университета в Праге, а также во Франкфуртском университете им. И.В. Гете. Результатом которых стала публикация крупномасштабного труда — словаря Д. Биттнеровой и Ф. Шиндлера

«Česká přísloví — Soudobý stav konce 20. století». Источниками послужили — словарь Ф.Л. Челаковского «Moudrost národu slovanského ve příslovích», который дополнили два ранее неопубликованных сборника пословиц XX в. — собрание Спилки и собрание Биттнеровой. Также в словарь вошли чешские пословицы, зафиксированные Шиндлером в конце 80-х – начале 90-х годов XX в., которые также публиковались в его диссертации. Фактически социолингвистический эксперимент, проведенной Биттнеровой и Шиндлером, стал первой попыткой выявления чешского паремиологического минимума [Сергиенко 2015: 16-17].

Стоит отметить, что на этом работа с чешским пословичным фондом не прекратилась. За последние двадцать лет были опубликованы различные словари (М. Бочанкова, М. Калина «Česko-anglický slovník idiomů, hovorových výrazů a přísloví», 2004), сборники (Я. Бахманнова, В. Суксова «Jak se řekne jinde», 2007) и прочие труды (Ф. Чермак «Slovník české frazeologie i idiomatiky» — «Výrazy větné», 2009), которые продолжают развивать чешскую паремиологию, в том числе в сопоставительном аспекте (М.Ю. Котова, О.С. Сергиенко, «Тетради паремиографа», 2013) [Сергиенко 2015: 17].

Для анализа способа представления предиката в чешских предложениях-пословицах, нами были отобраны паремии, с высоким процентом узнаваемости, из диссертации Ф. Шиндлера («Das Sprichwort im heutigen Tschechischen», 1993) и учебного пособия М.Ю. Котовой и О.С. Сергиенко («Тетради паремиографа», 2013), содержащего чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума (Приложение 2). Сам Шиндлер отмечал, что «его паремиологический минимум», состоящий из 99 пословиц, является в некоторой степени ограниченным, требующим дальнейшей доработки и дополнения

[Schindler 1996], поэтому мы позволили себе проводить исследование на базе нескольких источников.

Предпочтение данным источникам было отдано на основании того, что в их основе лежат идеи теории паремиологического минимума языка Г.Л. Пермякова, поэтому исследования проходили схожим образом — через социолингвистический эксперимент с привлечением информантов.

Важно отметить, что Чермак подвергал критике попытки формирования паремиологического минимума через социолингвистический эксперимент, считая такой подход не точным, дающим некоторые погрешности. Используя недавно открывшиеся возможности для лингвистов-исследователей, он обратился к базам данных крупнейшего европейского корпуса (Ústav českého národního korpusu <https://ucnk.ff.cuni.cz/cs/>) и получил «новый» паремиологический минимум, который отличался от результатов исследования Шиндлера. Сам Чермак считает, что расхождения в полученных данных обусловлены, прежде всего, различиями в методологии, каждая из которых имеет свои плюсы и минусы. Немаловажную роль играет и культурный аспект, раскрытием которого должны заниматься другие дисциплины, а не филология [Чермак 2001].

Мы также ознакомились с пословицами, представленными в статье Чермака «Paremiological minimum of Czech: The corpus evidence» и пришли к выводу, что большая часть из них уже встречается среди тех, которые были отобраны нами из двух, названных ранее, источников. Те, что встречаются только в минимуме Чермака, при беглом рассмотрении, не содержат принципиально новых способов выражения предиката в достаточном количестве и вероятно они могут только незначительно

повлиять на результаты нашего анализа, внося некоторые коррективы в процентное соотношение.

Тем не менее следует отметить, что результаты, полученные благодаря развитию корпусной лингвистики, представляют большой научный интерес для дальнейшего развития не только нашей темы, но многих других.

Так, можно отметить новую коллективную монографию «Syntax mlúvené češtiny», созданную на материале различных корпусов [Hoffmanová, Homoláč, Mrázková 2019: 11], в которой хоть и не нашлось данных для данной работы, но безусловно она будет полезна для синтаксистов.

3.2. Анализ чешского паремиологического минимума

Для анализа чешского паремиологического минимума нами было отобрано 133 пословицы по типу простого предложения, которые были проанализированы аналогичным, с русским паремиологическим минимумом, способом. Весь список анализируемых паремий представлен в Приложении 2.

Среди пословиц с **монопредикатом действия** (~27%) наиболее активно себя проявляет модель построения предложения по типу: «*субъект — объект (обстоятельство) — предикат*» (*Láska hory přenáší; Jedna vlaštovka jaro nedělá; Rovný rovného si hledá*), где предикат выражен глаголом (преимущественно несов. вида) в спрягаемой форме настоящего времени или в простом будущем времени.

С такой же регулярностью можно встретить модель без субъекта: *предикат — объект* (*Važ slova; Nemel hubou; Nepřilívej oleje do ohně*), где

предикат выражен преимущественно императивом 2-го лица в ед.ч. В простом предложении императивная форма сказуемого стремится занять препозицию, за редким исключением (*Bez peněz do hospody nelez*).

Немногим реже встречаются пословицы с синтаксической моделью: «*субъект — предикат — объект*» (*Šaty dělají člověka; Každý chvílku tahá pilku; Cvičení dělá mistra*), интересно отметить, что большая часть пословиц содержит глагол *dělat* в спрягаемой форме 3 л. ед. и мн.ч.

Прочие грамматические формы и синтаксические модели, в том числе с пропущенными актантами, не так многочисленны.

Интересно отметить пословицу: «*Pozdě bycha honiti*». Во-первых, несмотря на наличие акционального глагола *honit* (подгонять), она явно находится на периферии группы между действием и состоянием. Во-вторых, форма 1-го лица глагола *být* (*bych*) в кондиционале попала в позицию объекта, а следовательно под влияние глагола и была не только субстантивирована, но и получила окончание твердого типа склонения, слов мужского рода одушевленных в В.п. (*bycha*).

Так, на периферии данного типа можно отметить еще несколько эллиптических пословиц типа *S křížkem (přijít) po funuse* или *Pro dobrotu (se dostat) na žebrotu; Z bláta (spadnout) do louže*. Попытка восстановить незамещенный предикат в неполных или эллиптических предложениях может дать разный результат при семантико-синтаксической классификации. Для различения этих типов неполных предложений, важно учитывать не только семантическую полноту, но и синтаксическую структуру предложения-пословицы. Структурные особенности данных типов предложений были нами освещены в первой главе нашей работы.

Наибольшее количество пословиц анализируемой базы, представлено **монопредикативными пословицами со значением состояния** (~41%), предикат в которых выражен не только глагольными формами (*Pro jedno kvítí slunce nesvítí*), но и другим частями речи: краткими прилагательными (*Nejenom chlebem živ je člověk*), сравнительной степенью прилагательных (*Blíží košile než kabát*) и др.

Выделить одну синтаксическую модель сложно, но можно отметить, что предикаты предпочитают располагаться на интер- (*Práce šlechtí člověka*) и постпозиции (*Z cizího krev neteče*), препозицию избегают, за редким исключением (*Palí ho dobré bydlo*).

Пословицы со сравнительной степенью прилагательных активно представлены с незамещенным сказуемым (*Ráno moudřejší večera, Lepší pozdě než nikdy*).

Чешские пословицы с **монопредикативной характеристикой субъекта** (~24%) не отличается большим количеством эллиптических схем построения предложений. Это связано с тем, что в чешском языке сказуемое опускается только при наличии причины. В случае с пословицами, это может быть ритм, облегчающий запоминание. Основная часть предложений-пословиц построена по схеме: «*субъект — именной предикат*» (*Kdyby — chyby; Sliby — chyby; Oko — do duše okno; Čas je nejlepší lékař; Svět je malý*).

Монопредикативная характеристика субъекта, влияющая на действие (~5%) представлена преимущественно по модели: «*характеристика — субъект — (обстоятельство) — действие*» (*Stará láska nerezaví; Nové koště dobře mete*).

Чешские пословицы с **полипредикатами действия** (менее ~1%) и **состояния** (~2%) встречаются крайне редко. Единичный случай

полипредиката действия представлен включенным предикатом в пословице (*Tonoucí se stébla chytá*), который впрочем находится на периферии, поэтому может быть отнесен и к монопредикативной характеристике, влияющей на действие, как это было сделано на материале русского паремиологического минимума. Основная причина, почему семантически схожие пословицы попали в разные группы заключается в том, что в чешском языке причастия воспринимаются, как прилагательное активного действия (*aktivní adjektivum*), в русском языке *утопающий* ассоциируется с характеристикой, а не действием. Среди полипредикатов состояния встречаются союзы *i* и *nebo* (*K smíchu i k pláči; Ноп nebo троп*).

Выводы к главе 3

Чешские паремиографические традиции берут свое начало еще в XV вв. и активно развиваются до сих пор. Это способствовало возникновению нескольких паремиологических минимумов. Для анализа нами были взяты паремии, отобранные исследователями схожим способом — через социолингвистический эксперимент.

Наш анализ показал следующие результаты по семантической частотности предикатов:

- 41% — монопредикаты, выражающие состояние (характеристику);
- 27% — монопредикаты, выражающие действие;
- 24% — монопредикаты, выражающие характеристику субъекта;
- 5% — монопредикаты, характеристика которых влияет на действие;
- 2% — полипредикаты, выражающие два состояния (признака);
- 1% — полипредикаты, выражающие два действия.

Важно отметить следующие синтаксические особенности:

- Среди пословиц, выражающих действие, активно себя ведут модели: «*субъект — объект (обстоятельство) — предикат*», немногим реже «*субъект — предикат — объект*», где предикат выражен спрягаемой формой глагола в настоящем или простом будущем времени, также встречаются схемы с пропущенным субъектом, т. е. «*предикат — объект*», распространенные среди императивной формы выражения предиката;
- Наиболее широко представлены предикаты, выражающие состояние или характеристику, среди которых сложно выделить конкретную схему построения предложения, вероятно, это связано с тем, что предикат выражается не только глагольными формами, но и полнозначительными словами других частей речи. Аналогично с результатами русского паремиологического минимума, предикаты в

такой семантико-синтаксической группе редко располагаются на препозиции, а предпочитают интер- или постпозицию;

- Характеристика субъекта, представленная монопредикатом, редко выражается эллипсисом и предпочитает следующую модель: *«субъект — именной предикат»*;
- Монопредикативная характеристика, влияющая на действие чаще всего представлена по схеме: *«характеристика — субъект — (обстоятельство) — действие»*.
- Чешские предложения с полипредикатом состояния встречаются крайне редко, еще реже, выражающие действие (единичный случай). Это связано с тем, что предложения типа *«Chce, ale nemůž»* (*Хочется, да не можется*) в чешском классифицируются как *souvěti*, т. е. сложные предложения, которые мы не брали для анализа.

Можно заметить, что полученные результаты во многом совпадают, но есть и принципиальные различия, которые представляют особый интерес и будут вынесены в заключение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью написания данной работы являлось продемонстрировать способы и средства выражения предиката на материале русских и чешских пословиц паремиологического минимума.

Для достижения поставленной цели перед нами стояло несколько задач, которые были успешно решены.

Во-первых, мы изучили теоретическую базу по теме, представленную в первой главе, с упором на синтаксические особенности предложений-пословиц и формальные способы выражения предиката. В результате исследования мы пришли к выводу, что несмотря на генетическое родство, русский и чешский языки имеют различия, касающиеся терминологических (*предикат vs. predikátor* и под.), структурных и классификационных аспектов (*обнаруживающиеся, например, при более детальном изучении простого предложения*). Таким образом, чтобы уйти от типов предложения и формального выражения предиката, мы пришли к семантико-синтаксической классификации предикатов.

Во-вторых, нами было определено, что для анализа подходят пословицы по типу простого предложения, т. к. они составляют основную массу (более 60%) паремиологического минимума как в русском, так и в чешском языке.

В-третьих, был проведен сам анализ и сделаны выводы, которые будут представлены ниже.

Начнем с ожидаемых сходств среди способов и средств выражения предиката:

1. Наиболее продуктивны пословицы с монопредикатами состояния или характеристики, которые выражены не только глагольными формами (*Дело мастера боится; Zdáni klame*), но и прочими частями

речи (*Дураков теперь нет; Blížší košile než kabát*), по этой причине синтаксические конструкции размыты. Можно отметить, что в обоих языках, за редким исключением, предикаты избегают препозицию (*Нет правила без исключения; Palí ho dobré bydlo*), обычно располагаясь на интер- (*Скромность красит человека; Voží tlynu melou rotalu*) или постпозиции (*Овчинка выделки не стоит; Čert nikdy nespi*).

2. На втором месте по частотности располагаются монопредикаты, выражающие действие. Наиболее активно себя проявляет следующая синтаксическая модель: «*субъект — объект (обстоятельство) — предикат*», где предикат имеет преимущественно спрягаемую глагольную форму в настоящем или простом будущем времени (*Язык до Киева доведет; Láska hory přenáší*).
3. На третьем месте по распространенности находятся пословицы с монопредикатом, выражающим характеристику субъекта, преимущественно по схеме: «*субъект — именной предикат*» (*Старость — не радость; Svět je malý*). **Именно на этом пункте начинаются первые различия**, так, можно отметить то, что в чешском языке предикаты, относящиеся к данной семантической классификации более частотны, а также они значительно реже строятся по эллиптической схеме, которая активно представлена в русском паремиологическом минимуме.
4. Монопредикативная характеристика субъекта, влияющая на действие чаще всего реализована в обоих языках по модели: «*характеристика — субъект — (объект/обстоятельство) — действие*» (*Дурная голова ногам покоя не дает; Sytý hladovému nevěří*). В русском языке пословицы также могут быть представлены по схеме: «*характеристика — объект — субъект — действие*» (*Под*

лежащий камень вода не течет), в том числе с пропуском актантов (*Горбатого (человека) могила исправит*).

5. **Большой интерес представляет разница в употреблении полипредикатов (однородных предикатов), которые практически не встречаются в чешском языке, но достаточно продуктивны в русском.** Так, например, в чешском мы можем найти, среди анализируемого пословичного материала, единичный случай употребления полипредиката действия, а именно включенный предикат в пословице: *Topoucí se stébla chytá*, в русском языке такая семантическая группа предикатов представлена преимущественно по эллиптической схеме с тире (*Тише едешь — дальше будешь*) или с союзом *a* (*Не родись красивым, а родись счастливым*). **Полипредикаты состояния в чешском также крайне редкое явление** (*Hor nebo trop; K smíchu i k pláči*), **чего не сказать о русском языке**, в котором они реализуются преимущественно через эллиптические предложения (*Молодо — зелено*) или союз *да* (*Светит, да не греет; Мал золотник, да дорог*). Выделить тенденцию к единой синтаксической структуре не представляется возможным по причине обилия различных типов связи однородных предикатов.
6. Также нами были обнаружены единичные или немногочисленные нетипичные способы выражения предиката (опущения, нефинитные и неглагольные формы), преимущественно в разных синтаксически неполных предложениях, на которых мы старались обратить внимание по тексту работы.

Таким образом, мы достигли поставленных целей, и можем заключить, что наша гипотеза подтвердилась — несмотря на генетическое родство, русский и чешский язык обнаруживают различия в способах

выражения и частотности реализации предикатов различных типов, которые удалось зафиксировать при проведении семантико-синтаксического сопоставительного анализа.

Интерес для дальнейшего изучения представляют синтаксически неполные предложения с опущенными предикатами, неглагольными и нефинитными формами, которые еще недостаточно освещены в научной литературе.

Еще одним потенциально интересным направлением для последующего уточнения и развития теории паремиологического минимума является изучение возможностей корпусной лингвистики для отбора материала и организации социолингвистических экспериментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В.А., Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. Ун-тов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 800 с.
2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Современный русский язык / Под ред. Н.С. Волгиной: Учебник для вузов. - Изд. 6-е. перераб. и доп. М.: Логос, 2002. – 528 с.
3. Валгина Н.С., Синтаксис современного русского языка: Учебник М.: Агар, 2000. – 416 с.
4. Валгина Н.С., Современный русский язык: Синтаксис: Учебник / Н.С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.
5. Ван Х., Поверхностная и глубинная семантика пословицы как уровни представления кодового значения соматизмов // Сборник материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых №20, 2019 – С. 106-108.
6. Дьячкова Н.А., Предложения с включенным предикатом как когнитивно-сложные // Научно-методический журнал «Мир русского слова» №2, 2003 – С. 82-87.
7. Ершова Н.Б., Котова М.Ю., О выражении противопоставления в синтаксической структуре чешских и словацких пословиц (на материале социолингвистического эксперимента) // Международный научно-исследовательский журнал. Выпуск №10 (64), Часть 1, Октябрь 2017 – С. 76-79.
8. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю., Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. – 544 с.

9. Иванова Е.Ю., Славянские языки в аспекте типологии предикатов (класс «устойчивых признаков») // Филология и человек, 2012. №3. – С. 72-86.
10. Котова М.Ю., Лекции по сопоставительной славянской паремиологии. учеб. Пособие для магистрантов. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2010. — 170 с.
11. Кудаева, И. З. Поговорки, представленные в русском языке неполными предложениями / И. З. Кудаева // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки : Материалы V международной научно-практической конференции / совет молодых ученых и специалистов при главе Республики Северная Осетия-Алания, Министерство РСО-Алания по делам молодежи, физической культуры и спорта. – Владикавказ : Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2014. – С. 552-554.
12. Кудаева, И. З. Неполные предложения в русских и кабардинских паремиях : специальность 10.02.19 "Теория языка" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кудаева Инна Залимгериевна. – Нальчик, 2017. – 22 с.
13. Пащенко Ю.А., Предикативность и предикат в лингвистике и логике // Вестник ТГПИ №6, 2006. – С. 70-72.
14. Попова Л.В. – Бессоюзные предложения с семантикой предсказания в пословицах русского языка // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011 № 23. С. 212-214.
15. Ренковская Е.А., Некоторые особенности синтаксической структуры русских пословиц (на примере монопредикатных предложений). // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По

- материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25-29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). – М.: РГГУ, 2011 – С. 609-619.
16. Рылов С.А., Синтаксическая типология современных славянских языков: когнитивный аспект (на материале синтаксических типов русского и чешского языков) // Национальные исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. 2023 – С. 245-257.
17. Рылов С.А., Актуальные вопросы сопоставительной славянской синтактологии (на материале русского и чешского языков), Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015, №2 (2), С. 518-522.
18. Сергиенко О.С., Нормативность и вариативность чешских и словацких пословиц: [монография] / О.С. Сергиенко. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2015. – 296 с.
19. Сердобольская Н.В., Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации. — МГУ: Канд. дисс. М, 2005. – 185 с.
20. Тарланов З.К., Синтаксис русских пословиц: дис. ... д-ра филол. наук : 10.660 : [в 2-х т.] / З. К. Тарланов; Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова, Филол. фак. - Петрозаводск, 1970 - . [Т. 1]. - Петрозаводск, 1970. - 406 л. : табл. + Автореф. Л. 34 с.
21. Тарланов З.К., Синтаксис русского языка: университетский курс : учебник для бакалавриата и магистратуры / З.К. Тарланов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 398 с. – (Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс).
22. Тарланов З.К., Структура предикатов в русских пословицах в записях XVII-XX веков // Јужнословенски филолог LII, 1996. – С. 123-149.

23. Тарасова Ф.Х., Типы субъекта и предиката в пословицах, репрезентирующих концепт «пища» в английском, русском и татарском языках» // Вестник ТГГПУ. 2011. №2 (24). – С. 112-115.
24. Харламов А.А., Ермоленко Т.В., Дорохина Г.В., Гнитько Д.С., Метод выделения главных членов предложения в виде предикативных структур, использующий минимальные структурные схемы // Речевые технологии / Speech technology 2 / 2012. – С.75-85.
25. Čermák F., Jazyk a jazykověda: přehled a slovníky. Praha: Pražská imaginace, 1997, - 460 s.
26. Grepl M., Hladká Z., Jelínek M., Karlík P. и др. / Příruční mluvnice češtiny / Praha, Nakladatelství LN, 1995. – 800 s.
27. Karlík P., Nekula M., Rusínová Z., Příruční mluvnice češtiny, Praha: Lidové noviny, 1995, 557 s.
28. Kocková J., Acta linguistica Petropolitana / Труды института лингвистических исследований. Том XV, часть 3, 2019 – С. 88-110.
29. Hoffmanová J., Homoláč J., Mrázková K. (eds.), Syntax mluvené češtiny, Vydání první. – Praha : Academia, 2019. – (Lingvistika). – 392 s.
30. Šmilauer, V.: Novočeská skladba. Praha: SPN, 1966 – 573 s.
31. Vychodilova Z., K pojetí elipsy a příbuzných jevů v ruštině a češtině, Opera Slavica V, 1995, 2 – S. 38-43.
32. Zimek, R.: Problematika spony v ruštině v porovnání s češtinou, Praha, 1963 – 166 s.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. [Электронный ресурс] : Учебно-методическое пособие / Н.В. Данилевская; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2020. – 5,60 Мб; 98 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/danilevskaya-sintaksis.pdf>
2. [Электронный ресурс] : Учебно-методическое пособие / Bílková J.; Současný český jazyk, Syntax; Univerzita Hradec Králové, Pedagogická fakulta. – Электронные данные. – 299 Кб; 97 с. – Режим доступа: <https://inpdf.uhk.cz/wp-content/uploads/2014/03/Syntax-Bilkova.pdf>
3. [Электронный ресурс] : Magisterská diplomová práce / Bakulina O.: Безличные предложения в русском и чешском языках на материале рассказов З. Прилепина и их переводов на чешский язык. Vedoucí práce: Mgr. Olga Berger. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ustav slavistiky. Brno, 2014. 126 s. – Режим доступа: <https://is.muni.cz/th/co9gx/diplomka.pdf>
4. [Электронный ресурс] : Čermák F., Paremiological Minimum of Czech: The Corpus Evidence In Flut von Texten - Vielvalt der Kulturen. Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifik der Phraseologie, Hrsgb. H. Burger, A. Häcki Bufofer, G. Greciano, Schneider Verlag Hohengehren 2003, S. 15-31 –
Режим доступа:
https://www.researchgate.net/profile/Frantisek-Cermak/publication/289483056_Paremiological_minimum_of_Czech_The_corpus_evidence/links/56e5a7ec08ae68afa112a655/Paremiological-minimum-of-Czech-The-corpus-evidence.pdf?origin=publication_detail

5. [Электронный ресурс] : Рецензия на монографическую работу / Gallo J.; Volume 6, Issue III, October, 2021; Синтаксические термины в русском и чешском языках: сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов) / О. Бергер. Брно: Masaryk University Press, 2021. 141 с. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksicheskie-terminy-v-russkom-i-cheshskom-yazykah-sopostavitelnyy-aspekt-na-materiale-vybrannyh-terminov-o-berger/viewer>
6. [Электронный ресурс] : Bakalářská diplomová práce / Havelková S., Syntaktická specifika ruských a českých přísloví. Vedoucí práce Mgr. J. Krejčí. Masarykova univerzita, Pedagogická fakulta, Katedra ruského jazyka a literatury. Brno, 2020, 93 s. Режим доступа: https://is.muni.cz/th/g18rs/Bakalarska_prace__Syntakticka_specifika_ruskych_a_ceskych_prislovi.pdf
7. [Электронный ресурс] : Archiv časopisu Slovo a slovesnost 1935–2003 / Hlavsa Z.; Slovo a slovesnost, volume 50 (1989), number 3, pp. 222-226 – Режим доступа: <http://sas.ujc.cas.cz/archiv.php?lang=en&art=3299>
8. [Электронный ресурс] : Archiv časopisu Slovo a slovesnost 1935–2003 / Schindler F.; Sociolingvistické, paremiologické a paremiografické výsledky empirického výzkumu znalosti přísloví (Na základě anket 316 informátorů z Čech a Moravy); Slovo a slovesnost, ročník 57 (1996), číslo 4 – Články – Режим доступа: <http://sas.ujc.cas.cz/archiv.php?art=3693>

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ ПАРЕМИЙ

1. Котова М.Ю., Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М.Ю. Котова; под ред. П.А. Дмитриева ; С.-Петербург. гос. ун-т. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 358 с.

2. Котова М.Ю., Сергиенко О.С., Тетради паремиографа. Выпуск 2: М.Ю. Котова, О.С. Сергиенко. Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: Учебное пособие для студентов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 278 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В.Н. М. : Сов. энциклопедия, 1900. – 683 с.
4. Пермяков Г.Л., Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков; [сост. и авт. вступ. ст. Г. Л. Капчиц; АН СССР, Ин-т востоковедения]. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — Изд. 2-е. — М. : Просвещение, 1976. — 544 с.
6. Schindler F., Das Sprichwort im heutigen Tschechischen, Verlag Otto Sanger, München, 1993 – 575 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛЭС — лингвистический энциклопедический словарь

ПМП — паремиологический минимум Пермякова

РССПАС — русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями М.Ю. Котовой

СП — сложное предложение

СПП — сложноподчиненное предложение

ССП — сложносочиненное предложение

ТП2 — Тетради паремиографа М.Ю. Котовой и О.С. Сергиенко, выпуск 2

SCH — паремиологический минимум Шиндлера

Приложение 1. Список анализируемых паремий русского языка

МОНОПРЕДИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ:

1. Язык до Киева доведет. (ПМП: 162)
2. Правда глаза колет. (ПМП: 160)
3. Чем черт не шутит. (ПМП: 157)
4. Каждый (Всяк) кулик свое болото хвалит. (ПМП: 155)
5. Судьба играет человеком. (ПМП: 161)
6. Appetit приходит во время еды. (ПМП: 154)
7. Авось да небось до добра не доведут. (ПМП: 157)
8. Семеро одного не ждут. (ПМП: 157)
9. Терпение и труд все перетрут. (ПМП: 161)
10. Смелость города берет. (ПМП: 161)
11. Бабушка надвое сказала. (ПМП: 157)
12. И Москва не сразу (не вдруг) строилась. (ПМП: 159)
13. Вода (Капля) камень точит (долбит). (ПМП: 154)
14. На ловца и зверь бежит. (ПМП: 156)
15. Не боги горшки обжигают. (ПМП: 156)
16. Бумага все стерпит. (ПМП: 158)
17. Волка ноги кормят. (ПММ: 158)
18. Отольются кошке мышкены слезки. (ПМП: 156)
19. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. (ПМП: 158)
20. Цыплят по осени считают. (ПМП: 157)

21. На ошибках учатся. (ПМП: 160)
22. Дома и стены помогают. (ПМП: 155)
23. Стоит ли огород городить. (ПМП: 161)
24. За одного битого двух небитых дают. (ПМП: 155)
25. Соловья баснями не кормят. (ПМП: 157)
26. О вкусах не спорят. (ПМП: 160)
27. Из двух зол выбирают меньшее. (ПМП: 159)
28. После драки кулаками не машут. (ПМП: 158)
29. Устами младенца глаголет истина. (ПМП: 161)
30. Клин клином вышибают. (ПМП: 155)
31. Из «спасиба» шубы не сошьешь. (ПМП: 155)
32. За всеми не угонишься. (ПМП: 265)
33. Всех дел не переделаешь. (ПМП: 158)
34. Лбом стену (стенку) не прошибешь. (ПМП: 155)
35. Выше головы (Выше себя) не прыгнешь (не перепрыгнешь). (ПМП: 155)
36. От себя (От своей тени) не убежишь (не уйдешь). (ПМП: 160)
37. На всякий (На чужой) роток не накинешь платок. (ПМП: 159)
38. От судьбы не уйдешь. (ПМП: 160)
39. Перед смертью не надышишься. (ПМП: 158)
40. Наперед не загадывай. (ПМП: 160)
41. Без меня меня женили. (ПМП: 163)
42. Наперед батьки в петлю (пекло) не суйся. (ПМП: 156)

43. На чужой каравай рот не разевай. (ПМП: 156)
44. По одежке протягивай ножки. (ПМП: 156)
45. От добра добра не ищут. (ПМП: 160)
46. В чужой монастырь со своим уставом не ходи! (ПМП: 246)
47. Языку воли не давай. (ПМП: 166)
48. Не в свои сани не садись. (ПМП: 156)
49. Из двух зол выбирай меньшее. (ПМП: 159)
50. Не учи ученого. (ПМП: 160)
51. Живи своим умом. (ПМП: 159)
52. Кота в мешке не покупают. (ПМП: 155)
53. Победителей не судят. (ПМП: 160)
54. Против шерсти не гладят. (ПМП: 156)
55. Из пушки по воробьям не стреляют. (ПМП: 155)
56. Плачем (Слезами) горю не поможешь. (ПМП: 160)
57. Из песни слова не выкинешь. (ПМП: 155)
58. Кашу маслом не испортишь. (ПМП: 155)
59. Шила в мешке не утаишь. (ПМП: 157)
60. На всех не угодишь. (ПМП: 159)
61. Сердцу не прикажешь. (ПМП: 161)

**МОНОПРЕДИКАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ
(ХАРАКТЕРИСТИКА):**

62. Работа дураков любит. (ПМП: 161)

63. Бог троицу любит. (ПМП: 154)
64. Деньги (Денежки) счет любят. (ПМП: 158)
65. Обещанного три года ждут. (ПМП: 160)
66. Время не ждет. (ПМП: 158)
67. Дело мастера боится. (ПМП: 155)
68. Над нами не каплет. (ПМП: 163)
69. На воре шапка горит. (ПМП: 162)
70. Каждый сам за себя отвечает. (ПМП: 159)
71. Копейка рубль бережет. (ПМП: 159)
72. Два медведя в одной берлоге не уживутся. (ПМП: 155)
73. Овчинка выделки не стоит. (ПМП: 156)
74. В тихом омуте (болоте) черти водятся. (ПМП: 154)
75. Год на год (День на день) не приходится. (ПМП: 158)
76. Скромность красит человека. (ПМП: 161)
77. Все под Богом ходим. (ПМП: 158)
78. Беда никогда не приходит одна. (ПМП: 158)
79. Игра /не/ стоит свеч. (ПМП: 155)
80. Яблоко (Яблочко) от яблони недалеко падает (катится). (ПМП: 157)
81. Каждый по-своему с ума сходит. (ПМП: 159)
82. Дуракам везет. (ПМП: 159)
83. На бедного Макара все шишки валятся. (ПМП: 156)
84. Чуть-чуть не считается. (ПМП: 162)

85. Москва слезам не верит. (ПМП: 159)
86. Ложка дегтя портит бочку меда. (ПМП: 155)
87. Рыба портится (тухнет, гниет) с головы. (ПМП: 157)
88. Время работает на нас. (ПМП: 165)
89. Друзья познаются в беде. (ПМП: 159)
90. Рыбак рыбака видит издалека. (ПМП: 157)
91. Насильно мил не будешь. (ПМП: 160)
92. Спасибом сыт не будешь. (ПМП: 161)
93. Одним хлебом жив не будешь. (ПМП: 156)
94. И у стен есть уши. (ПМП: 155)
95. Всему есть предел. (ПМП: 158)
96. Закон есть закон. (ПМП: 159)
97. Приказ есть приказ. (ПМП: 161)
98. На хотенье есть терпенье. (РССПАС: 262)
99. В каждой шутке есть доля правды. (ПМП: 158)
100. И на старуху бывает проруха. (ПМП: 155)
101. И на солнце бывают пятна. (ПМП: 155)
102. Дыма без огня не бывает. (ПМП: 155)
103. Чудес не бывает. (ПМП: 162)
104. Будет и на нашей улице праздник. (ПМП: 165)
105. Все там будем. (ПМП: 158)
106. Всякому терпению бывает (приходит) конец. (ПМП: 158)

107. Остались от козлика рожки да ножки. (ПМП: 156)
108. Людям (Человеку) свойственно ошибаться. (ПМП: 159)
109. На наш век дураков хватит. (ПМП: 160)
110. Умные речи приятно и слушать. (ПМП: 161)
111. Нашла коса на камень. (ПМП: 156)
112. Нашего полку прибыло. (ПМП: 165)
113. Где наша не (ни) пропадала! (ПМП: 166)
114. Слона-то он и не заметил. (ПМП: 166)
115. Свет клином не сошелся. (ПМП: 164)
116. Из-за деревьев не видно леса. (ПМП: 155)
117. Глаза б мои не (глядели) видели! (ПМП: 165)
118. Пьяному море по колено. (ПМП: 161)
119. Без вины виноваты. (ПМП: 165)
120. На безрыбье и рак рыба. (ПМП: 156)
121. У семи нянек дитя без глазу. (ПМП: 157)
122. С паршивой овцы хоть шерсти клок. (ПМП: 157)
123. Для милого дружка и (хоть) сережку из ушка. (ПМП: 158)
124. С милым и рай в шалаше. (ПМП: 161)
125. Не в деньгах счастье. (ПМП: 160)
126. У страха глаза велики. (ПМП: 157)
127. Все к лучшему. (ПМП: 158)
128. Сапожник без сапог. (ПМП: 157)

129. Свет не без добрый людей. (ПМП: 161)
130. В семье не без урода. (ПМП: 154)
131. Дорога ложка к обеду. (ПМП: 155)
132. Русский человек задним умом крепок. (ПМП: 161)
133. По заслугам и честь. (ПМП: 160)
134. Услуга за услугу. (ПМП: 161)
135. В чужом пиру похмелье. (ПМП: 163)
136. На вкус и цвет товарища нет. (ПМП: 159)
137. Дураков теперь нет. (ПМП: 159)
138. На нет (и) суда нет. (ПМП: 160)
139. Нет худа без добра. (ПМП: 160)
140. Нет розы без шипов. (ПМП: 156)
141. А воз и ныне там. (ПМП: 162)
142. Нет правила без исключения. (ПМП: 160)
143. У медали две стороны. (ПМП: 157)
144. Видать птицу (сокола) по полету. (ПМП: 154)
145. Зимой и летом одним цветом. (ПМП: 165)
146. От любви до ненависти один шаг. (ПМП: 160)
147. /Все мы/ Одним миром мазаны. (ПМП: 166)
148. Дурные примеры заразительны. (ПМП: 159)
149. /У него у самого/ Рыльце в пушку. (ПМП: 166)
150. Своя ноша не (тянет) тяжела. (ПМП: 157)

151. Хорошего понемногу (понемножку). (ПМП: 162)
152. Уговор дороже денег. (ПМП: 161)
153. Час от часу не легче. (ПМП: 166)
154. Хрен редьки не слаще. (ПМП: 157)
155. Утро вечера мудренее. (ПМП: 162)
156. Своя рубаша ближе к телу. (ПМП: 157)
157. Старый друг лучше новых двух. (ПМП: 161)
158. Голь на выдумку хитра. (ПМП: 158)
159. Долг платежом красен. (ПМП: 158)
160. Запретный плод сладок. (ПМП: 155)
161. Все хорошо в меру. (ПМП: 158)
162. Мир тесен. (ПМП: 159)
163. Остатки сладки. (ПМП: 156)
164. Ничто не вечно под луной. (ПМП: 160)
165. Охота пуще неволи. (ПМП: 160)
166. Вот где собака зарыта. (ПМП: 162)
167. Дуракам закон не писан. (ПМП: 159)

МОНОПРЕДИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА:

168. Время — лучший лекарь. (ПМП: 158)
169. Повторенье — мать ученья. (ПМП: 160)
170. Глаза — зеркало души. (ПМП: 158)
171. Факты — упрямая вещь. (ПМП: 162)

172. Деньги — дело наживное. (ПМП: 158)
173. Чужая душа — потемки. (ПМП: 162)
174. Язык мой — враг мой. (ПМП: 162)
175. Молчание — знак согласия. (ПМП: 159)
176. Конец — делу венец. (ПМП: 159)
177. «Я» — последняя буква в алфавите. (ПМП: 162)
178. Два сапога — пара. (ПМП: 163)
179. Риск — благородное дело. (ПМП: 161)
180. Бедность — не порок. (ПМП: 158)
181. Попытка — не пытка. (ПМП: 160)
182. Старость — не радость. (ПМП: 161)
183. Третий — лишний. (ПМП: 161)
184. Старый — что малый. (ПМП: 161)
185. Дважды два — четыре. (ПМП: 162)
186. Привычка — вторая натура. (ПМП: 160)
187. Муж и жена — одна сатана. (ПМП: 159)
188. Лиха беда начало. (ПМП: 159)
189. Первый блин комом. (ПМП: 156)
190. Всяк своего счастья кузнец. (ПМП: 158)
191. Голод не тетка. (ПМП: 158)
192. Один в поле не воин. (ПМП: 156)
193. Гусь свинье не товарищ. (ПМП: 155)

194. Сердце не камень. (ПМП: 161)
195. Человек человеку волк. (ПМП: 162)
196. Человек человеку друг. (ПМП: 162)
197. Палка о двух концах. (ПМП: 164)
198. Всему свое время (свой черед). (ПМП: 158)
199. Всему свое место. (ПМП: 158)
200. Всякому овощу свое время. (ПМП: 155)

МОНОПРЕДИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА,

ВЛИЯЮЩАЯ НА ДЕЙСТВИЕ:

201. Горбатого могила исправит. (ПМП: 155)
202. Береженого Бог бережет. (ПМП: 158)
203. Бодливой корове Бог рог не дает. (ПМП: 154)
204. Сытый голодному не понимает. (ПМП: 161)
205. Дареному коню в зубы не смотрят. (ПМП: 155)
206. Старого воробья на мякине не проведешь. (ПМП: 157)
207. Утопающий и за соломинку хватается. (ПМП: 157)
208. Новая метла чисто (по-новому) метет. (ПМП: 156)
209. Лежачего не бьют. (ПМП: 155)
210. Потерянного (Сделанного) не воротишь. (ПМП: 160)
211. Дурная голова ногам покою не дает. (ПМП: 159)
212. Нечистая совесть спать не дает. (ПМП: 160)
213. Одна паршивая овца все стадо портит. (ПМП: 156)

214. Под лежащий камень вода не течет. (ПМП: 156)

215. В чужую душу не влезешь. (ПМП: 158)

ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ:

216. Милые бранятся — только тешатся. (ПМП: 159)

217. Много будешь знать — скоро состаришься. (ПМП: 159)

218. Поспешишь — людей насмешишь. (ПМП: 160)

219. За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. (ПМП: 155)

220. Тише едешь — дальше будешь. (ПМП: 157)

221. Не подмажешь — не поедешь. (ПМП: 156)

222. Поживем — увидим. (ПМП: 160)

223. Стерпится — слюбится. (ПМП: 161)

224. Сказано — сделано. (ПМП: 161)

225. Семь раз отмерь — один отрежь. (ПМП: 157)

226. Век живи — век учись. (ПМП: 158)

227. В чужом глазу соломинку видит, а в своем и бревна не замечает.
(ПМП: 163)

228. Начал за здравие, а кончил за упокой. (ПМП: 164)

229. Не родись красивым, а родись счастливым. (ПМП: 160)

230. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. (ПМП: 160)

231. Сначала (Сперва) думай, а потом делай. (ПМП: 161)

232. Языком болтай, а рукам воли не давай. (ПМП: 162)

233. На Бога надейся, а сам не плошай. (РССПАС: 206)
234. Индюк думал, думал, да и сдох. (ПМП: 159)
235. Говори, да не заговаривайся. (ПМП: 165)
236. Редко, да метко. (ПМП: 165)
237. Сядем рядком да поговорим ладком. (ПМП: 166)
238. А Васька слушает да ест. (ПМП: 162)
239. С кем поведешься, от того и наберешься. (ПМП: 161)
240. Где положишь, там и возьмешь. (ПМП: 158)
241. Как аукнется, так и откликнется. (ПМП: 155)
242. Ему разжуй и в рот положи. (ПМП: 163)
243. Как хочу, так и ворочу. (ПМП: 165)
244. Пришел, увидел, победил. (ПМП: 165)
245. По одежке встречают, по уму провожают. (ПМП: 160)
246. Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. (ПМП: 159)

ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ:

247. Молодо — зелено. (ПМП: 159)
248. Что в лоб — что по лбу. (ПМП: 157)
249. Нынче здесь — завтра там. (ПМП: 165)
250. Не пойман — не вор. (ПМП: 156)
251. В тесноте, да не в обиде. (ПМП: 158)
252. Хочется, да не можется. (ПМП: 166)

253. Конь о четырех ногах, да спотыкается. (ПМП: 155)
254. Светит, да не греет. (ПМП: 164)
255. Мал золотник, да дорог. (ПМП: 156)
256. Лучше меньше, да лучше. (ПМП: 159)
257. И хочется, и колется. (ПМП: 165)
258. И смех, и грех. (ПМП: 165)
259. По усам текло, а в рот не попало. (ПМП: 164)
260. Вместе тесно (тошно), а врознь скучно. (ПМП: 165)
261. Не красна изба углами, а красна пирогами. (ПМП: 160)
262. Незванный гость хуже татарина. (ПМП: 160)
263. Пуганая ворона (Пуганый заяц) и куста боится. (ПМП: 157)
264. Большому кораблю — большое плаванье. (ПМП: 154)
265. Собаке — собачья смерть. (ПМП: 157)

Приложение 2. Список анализируемых паремий чешского языка

МОНОПРЕДИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ:

1. Láska hory přenáší. (SCH: 156)
2. Vrána k vráně sedá. (SCH: 157)
3. Ani kuře zadarmo nehraje. (SCH: 157)
4. Příklady táhnou. (TPI2: 205)
5. Jedna vlaštovka jaro nedělá. (TPI2: 75)
6. Rovný rovného si hledá. (TPI2: 210)
7. Ruka ruku myje. (TPI2: 211)
8. Nevděk světem vládne. (TPI2: 174)
9. Papír všechno snese. (TPI2: 184)
10. Mráz kopřivu nespálí. (SCH: 162)
11. Moudřejší ustoupí. (SCH: 160)
12. Na každého jednou dojde. (TPI2: 152)
13. Hlavou zeď neprorazíš. (TPI2: 269)
14. Před osudem neutečeš. (TPI2: 202)
15. S poctivostí nejdál dojdeš. (SCH: 156)
16. Každý chvílku tahá pilku. (SCH: 157)
17. Šaty dělají člověka. (SCH: 157)
18. Dobré účty dělají přátele. (TPI2: 50)
19. Cvičení dělá mistra. (TPI2: 31) horách
20. Neštěstí nechodí po horách, ale po lidech. (SCH: 158)

21. Nepřekročíš vlastní stín. (ТП2: 170)
22. Drž jazyk za zuby. (ТП2: 53)
23. Važ slova. (ТП2: 244)
24. Pomoz si sám. (ТП2: 192)
25. Dočkej času jako husa klašu. (SCH: 156)
26. Nemel hubou. (ТП2: 53)
27. Nepřilívej oleje do ohně. (ТП2: 171)
28. Nechval dne před večerem. (SCH: 157)
29. Bez peněz do hospody nelez. (SCH: 157)
30. Po nás ať přijde potopa. (ТП2: 56)
31. Štěstí se musí chytit za pačesy. (ТП2: 232)
32. Dvěma pánům nelze sloužit. (SCH: 159)
33. Srdce si nedá poroučet. (ТП2: 226)
34. Pozdě bycha honiti. (SCH: 156)
35. Kdyby Bůh dal. (ТП2: 116)
36. S křížkem po funuse. (ТП2: 217)

МОНОПРЕДИКАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ (ХАРАКТЕРИСТИКА):

37. Z cizího krev neteče. (SCH: 162)
38. Čert nikdy nespí. (SCH: 158)
39. Samochvála smrdí. (ТП2: 220)
40. Zdání klame. (ТП2: 267)
41. Přílišná skromnost škodí. (ТП2: 204)

42. Tichá voda břehy mele. (SCH: 157)
43. Každá legrace něco stojí. (TII2: 81)
44. Všeho moc škodí. (TII2: 250)
45. Na něm svět nestojí. (TII2: 153)
46. I mistr tesař se utne. (SCH: 157)
47. Zázraky se dějí. (TII2: 267)
48. Odvážnému štěstí přeje. (SCH: 157)
49. Pro jedno kvítí slunce nesvítí. (SCH: 156)
50. Boží mlýny melou pomalu. (SCH: 157)
51. Nic netrvá věčně. (TII2: 176)
52. S jídlem roste chuť. (TII2: 216)
53. Opatrnosti nikdy není dost. (TII2: 181)
54. Čas letí jako voda. (TII2: 33)
55. Mlčení znamená souhlas. (TII2: 144)
56. Láska prochází žaludkem. (SCH: 157)
57. Jablko nepadne daleko od stromu. (SCH: 156)
58. Práce šlechtí člověka. (SCH: 157)
59. Výjimka potvrzuje pravidlo. (TII2: 258)
60. Dobré zboží se prodává samo. (TII2: 50)
61. Ptáka poznáš podle peří. (TII2: 207)
62. V nouzi poznáš přítele. (TII2: 244)
63. Pod svícnem bývá tma. (SCH: 162)

64. Lež má krátké nohy. (SCH: 157)
65. Strach má velké oči. (TII2: 228)
66. Hůl má dva konce. (TII2: 67)
67. Každá věc má rub a líc. (TII2: 82)
68. I stěny mají uši. (TII2: 65)
69. Ráno moudřejší večera. (SCH: 160)
70. Lepší něco než nic. (TII2: 135)
71. Lepší pozdě než nikdy. (TII2: 135)
72. Méně je někdy více. (TII2: 142)
73. Blížší košile než kabát. (SCH: 160)
74. Všeho s mírou. (TII2: 250)
75. V zdravém těle zdravý duch. (TII2: 244)
76. Mnoho povyku pro nic. (TII2: 145)
77. Pálí ho dobré bydlo. (TII2: 183)
78. V jednotě je síla. (TII2: 241)
79. Zítra je také den. (TII2: 269)
80. Tady je zakopaný pes. (TII2: 233)
81. Dobrého po málu. (TII2: 51)
82. To je ve hvězdách. (TII2: 236)
83. Bez práce nejsou koláče. (SCH: 156)
84. Na každém šprochu pravdy trochu. (TII2: 152)
85. Dva kohouti na jednom smetišti. (TII2: 54)

86. Nejenom chlebem živ je člověk. (ТП2: 157)

87. Skutek utek. (ТП2: 223)

88. Padla kosa na kámen. (SCH: 156)

89. Žádný učený z nebe nespádá. (SCH: 157)

90. Pro dobrotu na žebrotu. (SCH: 156)

91. Z bláta do louže. (ТП2: 260)

МОНОПРЕДИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА:

92. Všude je chleba o dvou kůrkách. (SCH: 162)

93. Kdyby — chyby. (ТП2: 115)

94. Sliby — chyby. (ТП2: 224)

95. Oko — do duše okno. (ТП2: 181)

96. Líná huba — holé neštěstí. (SCH: 158)

97. Učení — mučení. (ТП2: 239)

98. Mezi slepými jednooký králem. (ТП2: 142)

99. Každý svého štěstí strůjcem. (SCH: 158)

100. Čas je nejlepší lékař. (ТП2: 32)

101. Hlad je nejlepší kuchař. (ТП2: 56)

102. Zvyk je železná košile. (ТП2:)

103. Opakování je matka moudrosti. (ТП2: 272)

104. Svět je malý. (ТП2: 229)

105. Blbost je nakažlivá. (ТП2: 11)

106. Každý začátek je těžký. (ТП2: 94)

107. Chybovati je lidské. (ТП2: 63)
108. Rozkaz je rozkaz. (ТП2: 211)
109. Risk je zisk. (ТП2: 210)
110. Život není peříčko. (ТП2: 274)
111. Dvakrát dvě jsou čtyři. (ТП2: 55)
112. Jedna a jedna jsou dvě. (ТП2: 74)
113. Peníze nejsou všechno. (ТП2: 184)
114. Lež jako věž. (ТП2: 137)
115. Není růže bez trní. (ТП2: 273)
116. Není sluníčko bez mráčku. (ТП2: 168)
117. Není každý den posvícení. (ТП2: 165)
118. Nikdo není bez viny. (ТП2: 178)
119. Čistota půl zdraví. (SCH: 158)
120. Sůl nad zlato. (SCH: 160)
121. Zmatek nad zmatek. (ТП2: 271)
122. Kovářová kobyla chodí bosá. (ТП2: 129)
123. Za pokus to stojí. (ТП2: 263)

МОНОПРЕДИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА,

ВЛИЯЮЩАЯ НА ДЕЙСТВИЕ:

124. Sytý hladovému nevěří. (SCH: 160)
125. Ranní ptáče dál doskáče. (SCH: 156)
126. Dobrá hospodyňka pro pírko přes plot skočí. (SCH: 157)

127. Stará láska nerezaví. (SCH: 156)
128. Nové koště dobře mete. (SCH: 157)
129. Darovanému koni na zuby nekoukej. (SCH: 158)

ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ:

130. Tonoucí se stébla chytá. (SCH: 160)

ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ:

131. Zakázané ovoce nejvíc chutná. (SCH: 158)
132. K smíchu i k pláči. (ТП2: 79)
133. Ноп nebo троп. (ТП2: 59)